

Р. Е. ТАРД

— САПЁРНЫЙ РУБЕЖ —

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

— ТОМ 1 —

Левиафан Кейн Сапёрный рубеж. Последний мост

<https://litres.ru/74389987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июль 1941 года. Под Могилёвом отступающим частям Красной армии осталась единственная исправная переправа. Лейтенант инженерных войск Илья Руднев получает приказ: сохранить мост до прохода последней колонны, а затем уничтожить его до появления противника.

Но карта не показывает разбитых подходов, раненых, беженцев и подразделения, потерявшие связь со штабом. Пока сапёры укрепляют дорогу, проверяют каждый участок и ведут счёт людям и машинам, время неумолимо истекает. Слишком ранний взрыв обречёт своих. Слишком поздний — откроет врагу путь.

Рудневу предстоит решить, где заканчивается буквальное исполнение приказа и начинается личная ответственность командира. «Последний мост» — военно-исторический роман о сапёрах, для которых дорога становится боевой задачей, а цена одной ошибки измеряется человеческими жизнями.

Содержание

Глава 1. Мост на карте	4
Глава 2. Слабое место	21
Глава 3. Объезд	37
Глава 4. Чья отметка	52
Глава 5. Контрольная машина	68
Глава 6. Не две машины	84
Глава 7. Последний подтверждённый	100
Глава 8. Очередь	112

Левиафан Кейн

Сапёрный рубеж.

Последний мост

Глава 1. Мост на карте

Просёлок кончался раньше воды. Шагов за двести до берега колея переставала быть дорогой и делалась глиной, разбитой колёсами и схваченной сверху сухой коркой. Руднев прошёл эти двести шагов пешком: о всякой переправе он первым делом хотел знать, как к ней подходит гружёное.

Подходило плохо. Съезд забирал влево, левый край сидел ниже правого на полколеи, и по левому уже тянули тяжёлое — глину выдавило наружу длинным валиком. Корка на валике держала, пока Руднев не поставил на неё каблук. Под коркой было мягко, и каблук поехал вбок.

Капитан ждал у крайнего бревна старой выкладки. Схема лежала у него на коленях, придавленная с угла карандашом, чтобы не заворачивалась.

— Товарищ капитан. Лейтенант Руднев, командир сапёрного взвода, прибыл.

— Двадцать семь? — Тарасов не поднял головы.

— Двадцать семь.

— Смотри сюда.

Он повернул схему так, чтобы Рудневу не пришлось читать вверх ногами. Каменка на бумаге была короткой чёрточкой поперёк синей нитки: один подход с запада, один с востока, аккуратная точка западнее развилки — хутор. Ни левого крена, ни валика, ни второй колеи по мягкому. Бумага была чистая, как всякая бумага, которую делают не на берегу.

— Задача дивизионная, отдаю как есть, — сказал Тарасов. — Движение через Каменку не должно встать. Днём, ночью, под чем угодно. Что сломается — чинишь. Что застрянет — расшиваешь. И главное, лейтенант: самовольно на переправе ничего не закрывать.

— Ничего — это и съезд?

— Ничего — это ничего. Ни съезд, ни настил, ни объезд по низу. Мост стоит и работает, пока не придёт другой приказ.

Руднев положил палец на чёрточку.

— До какого числа держать?

— Не знаю.

Он ждал. Тарасов повернул к нему лицо, и стало видно, что капитан не отводит глаз и не собирается смягчать.

— Я тебе число не выдумаю. Мне его не дали. Выдумаю — ты под него всё разложишь: людей, смены, инструмент, отдых. Ты честно разложишь, а потом ошибёшься не на своё число, а на моё. Держи, пока не скажут.

— Кто скажет?

— Придёт отдельная команда. Со своим приказом и со своей бумагой. Их работа — их, твоя — мост. Вперёд них не лезь и за них не решай.

— А если они не успеют?

— Тогда доложишь и будешь держать, пока есть кому идти. — Тарасов сложил схему пополам и протянул её через колено. — Бумага дивизионная. На ней Каменка — одна нитка и один подход.

— А на местности?

— На местности ты. — Капитан встал, отряхнул ладонь о ладонь. — Принимай объект.

Руднев взял схему. Бумага была сухая и уже потёртая на сгибе, чужой карандаш прошёл по ней дважды.

— Бельский, — сказал он, не оборачиваясь. — Время.

— Четырнадцать десять. — Бельский стоял в трёх шагах и держал тетрадь на согнутой руке. Карандаш он доставал из-за обмотки полевой сумки не глядя. — Виноват. Четырнадцать двенадцать. Я записал, когда вы сказали, а не когда капитан сказал. Так неправильно.

— Правильно. Пиши, когда я сказал.

По настилу на восточный берег прошла подвода, и доски отозвались коротко и вразнобой, как отзывается настил, который давно не перестилали целиком. Руднев проследил её до конца пролёта. Подвода была лёгкая, и всё равно левая колея настила говорила громче правой.

— Слышишь? — спросил Тарасов.

— Слышу.

— Вот и слушай дальше. — Он поднял с бревна свою сумку. — И ещё, Руднев. Девять человек забираю.

Руднев поставил ногу на бревно и не сразу выпрямился.

— Куда?

— На другой участок. Руки нужны сегодня, не завтра.

— Каких девять?

— Мне всё равно каких. Мне важно, что девять.

— Плотников не отдам.

— Одного отдашь.

— Одного, — сказал Руднев. — И тот с топором вернётся, топор остаётся здесь.

Тарасов усмехнулся одним углом рта, коротко, без веселья.

— Топор оставляй. Люди мне нужны, не топоры. Через двадцать минут за ними придёт машина. Собери сам, чтобы не я тыкал пальцем.

— Соберу.

— И, Руднев. — Капитан уже шёл. — Не считай, что тебя обидели. Тебя обидели, но считать этого не надо.

* * *

Девять он собрал за двенадцать минут. Взял пятерых из тех, кто умел копать, двоих из молодых, которых всё равно пришлось бы учить работе на настиле, одного повозочного и одного плотника — не лучшего и не худшего, среднего,

потому что худшего отдать было стыдно, а лучшего нельзя.

Собирались без разговоров. Скатки, вещевые мешки, котелки, у кого-то запасные обмотки, туго свёрнутые и подсунутые под клапан. Плотник постоял над разложенным инструментом, поглядел на Гущина, и Гущин, не поднимая головы, показал ему подбородком на землю.

— Топор чей? — спросил плотник.

— Взводный, — сказал Гущин. — Твоим он был, пока ты им махал.

— Понял.

Он положил топор к остальным, лезвием от людей, как положено, и отошёл. Машина пришла раньше срока, приняла всех девятых в кузов, развернулась в три приёма на узком и ушла на восток, подсакивая на выбоинах. Пыль постояла над просёлком и легла на глину.

Восемнадцать остались стоять там, где стояли.

Руднев не строил их. Он прошёл к бревну, сел на него боком, положил схему на колено и подождал, пока подойдут сами. Подошли. Гущин последним — сначала он собрал инструмент в порядке, который знал только он: топоры отдельно, лопаты отдельно, скобы и клинья в мешок, пила поперёк всего, чтобы никто не наступил.

— Считаю вслух, — сказал Руднев. — Бельский пишет. Кто со мной не согласен, говорит сейчас, а не через два часа.

— Сейчас так сейчас, — сказал Гущин.

— Осмотр. Гущин, я и четверо с нами. Опоры, настил,

съезд, подходы к воде с обеих сторон. Смотреть, не чинить.

Гущин поднял голову.

— Совсем не чинить?

— Совсем. Ты смотришь, докладываешь, что нашёл, и получаешь на это людей и время. Если начнёшь чинить сразу, ты починишь то, что первым попало, а не то, что первым сломается.

Старшина подумал. Он думал не быстро и не медленно, а ровно столько, сколько думают над чужим доводом, когда собираются его принять.

— Тогда мне двоих с топорами и двоих просто с руками, — сказал он. — Один из них пусть будет тот, кто не боится воды. Мне под настил лезть.

— Бери.

— Охранение, — продолжил Руднев. — Четверо. Двое на въезде с запада, двое у поворота, где просёлок выходит из ольшаника. Смена через два часа, не через три. Тот, кто на въезде, разводит движение и никого не пускает по левому краю съезда, пока Гущин не посмотрит, что там под глиной.

— По левому — это где валик? — спросил один из четверых.

— Где валик. Валик не трогать, по нему не ходить, машину на него не заворачивать.

— А если сама заворачивает?

— Тогда ты стоишь так, чтобы ей некуда было завернуть. Не рукой машешь, а стоишь.

— Понял.

— Разгрузка и съезд. Шестеро. Ваше дело — чтобы на подходе никто не встал. Встал — толкаете. Не идёт гружёным — снимаете часть груза, пропускаете, грузите обратно, всё это на правой стороне, не на левой. Ящики на землю не бросать: то, что мы сегодня уроним, завтра кому-то понадобится целым.

— Товарищ лейтенант, — сказал Бельский, не отрывая карандаша, — шесть и четыре и шесть — шестнадцать. И я. Семнадцать. И Жук. Восемнадцать. Сходится.

— Сходится, — согласился Руднев. — Бельский: тетрадь, время, всё, что я сказал, и всё, что мне сказали. Особенно то, с чем я не согласился.

Бельский поднял глаза.

— Это тоже писать?

— Это в первую очередь. Со мной могут спорить правильно.

— Тогда я перепишу начало, — сказал Бельский. — Я там написал «взвод принял объект», а объект принял командир взвода. Это разные вещи.

— Разные, — сказал Руднев. — Перепиши.

Гущин негромко хмыкнул в сторону и стал перекладывать клинья, хотя они лежали как надо.

— Гущин. Сколько топоров?

— Одиннадцать. Один без топорщища, но топорщище я сделаю. Пила две, обе тупые, точить некому и некогда. Скоб ма-

ло. Гвоздей нет вовсе, есть то, что мы выдернем из чужой работы.

— Понял.

— А людей спросишь? — сказал старшина, всё так же не поднимая головы.

Руднев помолчал. Не потому, что не нашёл ответа, а потому, что ответ был неприятный и короткий.

— Спрашиваю. Сколько у тебя ходячих?

— Все ходячие. Двое сегодня не спали, потому что ночью грузили. Этих я под воду не пущу, поставлю на верх. Ещё один хромает со вчерашнего, но по настилу ходит нормально.

— Двоих, которые не спали, поставь на настил и на глаза. Хромого — к охранению у въезда: там ходить недалеко. Пусть остаётся на месте и передаёт, где меня искать.

— Это уже дело, — сказал Гушин.

Жук стоял с краю и молчал. Он всё время молчал, пока не спрашивали, а спрашивал сам только короткое.

— Жук.

— Я.

— Обойди подходы. Пешком. С запада, потом с востока. Смотри, где ещё можно съехать к воде, кроме нашего съезда. Не по схеме смотри, по земле.

— Докуда идти?

— Пока не кончатся съезды.

— А если не кончатся?

— Тогда вернёшься, когда пройдёшь столько, чтобы успеть вернуться засветло, и скажешь, сколько нашёл.

Жук кивнул, поправил ремень и пошёл, забирая от просёлка вправо, к воде, туда, где берег зарос ольшаником и с просёлка не было видно никакой дороги. Он шёл не быстро и смотрел под ноги.

— Ноги замочит, — сказал Гушин.

— Замочит.

— Полесский. Он с мокрыми ногами умнее, чем иные с сухой головой.

Руднев сложил схему и сунул под клапан полевой сумки.

— Пошли к опорам.

* * *

Под мост они спустились по глине, держась за корни. Здесь пахло мокрым деревом и ржавчиной; вода шла тихо и ровно, и на сваях стояли тёмные полосы — след того уровня, который был весной, и второй, ниже, свежий.

Руднев развернул схему прямо на балке, придавив угол ладонью.

— По бумаге тут одно и то же с обоих концов, — сказал он. — Значит, тяжёлое пускаем, как оно шло до нас.

— По бумаге, — сказал Гушин.

— Ты не согласен.

— Я не спорю с бумагой, товарищ лейтенант. Бумага терпит и молчит. Мост не терпит и не молчит. Пойдёмте, покажу, что он говорит.

Он полез в воду, не разуваясь, — по колено, потом по бедро, — и остановился у третьей опоры от западного берега. Руднев вошёл следом. Вода взяла сапоги сразу и полностью, и от холода мысли на несколько секунд стали короче и точнее.

— Смотрите на грунт, — сказал Гушин. — Не на дерево. На грунт.

Под западной стороной опоры дно было выбрано. Не ямой — длинной ложбиной, тянущейся вдоль течения, и в этой ложбине лежал вымытый песок вперемешку с щепой.

— Подмыло, — сказал Руднев.

— Подмывает. Это не разово. Это каждую высокую воду. — Гушин положил ладонь на сваю и повёл вверх. — А теперь дерево.

Свая была старая, чёрная, с длинными трещинами по волокну. Соседняя — светлее на два тона, с другим срезом, и скоба на ней сидела новее прочих, ещё не съеденная ржавчиной до мяса.

— Меняли, — сказал Руднев.

— Меняли. И вот тут схватку ставили, видите, врубка чужая, не под этот мост делана, подгоняли по месту. — Гушин постучал костяшкой по дереву, и звук был не звонкий, а глухой и короткий, будто ударили в мешок. — Свежее дерево в старом мосту — не подарок. Это отметка. Здесь уже ломалось.

— Чинили — значит, держит.

— Чинили — значит, держало под то, что тогда через него шло. — Старшина обернулся, и лицо у него было не победное, а усталое. — Под телегу держало. Под то, что сейчас пойдёт, никто не считал. Считать некому и нечем.

Наверху заскрипело: на настил зашла машина. Руднев поднял руку и, сам не заметив как, положил ладонь на сваю — так же, как держал её Гушин. Дерево пошло под ладонью. Не тряхнуло, не ударило — именно пошло, медленно, влево и обратно, и вода у опоры собралась в короткий бугор и разошлась кольцами.

Машина прошла. Кольца ещё расходились.

— Левая работает больше правой, — сказал Руднев.

— Левая работает за двоих. Правая только смотрит.

— Сколько выдержит?

— Числом не скажу. — Гушин вытер руку о мокрую же гимнастёрку, что было бессмысленно, и сам это заметил, и всё равно вытер. — Скажу иначе, товарищ лейтенант, и вы это запишите, как хотите. Пока тяжёлое идёт по правой колее и по одному — стоит. Двух рядом не пускать. И на левый край съезда гружёное не заворачивать вовсе, потому что там не мост слабый, там подход слабый, а нам всё равно, где мы сядем.

Руднев смотрел на воду, на ложбину под опорой, на светлую сваю. Всё, что он думал по бумаге двадцать минут назад, было сказано уверенно и оказалось неверно, и неверно оказалось ровно в ту сторону, в какую ошибаться дороже всего.

— Принимаю, — сказал он. — Твоё, не моё.

— Да чего там чьё.

— Есть чьё. Бельский!

Сверху, с настила, отозвались. Бельский лёг на край и свесил голову, придерживая тетрадь у груди.

— Я!

— Пиши двумя столбцами. С сегодняшнего дня всё так. Слева — что на схеме. Справа — что смотрели своими руками, кто смотрел и когда.

— Понял. А если слева и справа одно и то же?

— Тогда всё равно два раза. Одинаковое сегодня — не одинаковое завтра.

— Тогда мне нужно на новом листе, — сказал Бельский.

— На этом уже начато сплошняком, и посередине переделывать нечестно.

— Начинай на новом.

Он писал, проговаривая вполголоса, как делают люди, которые боятся пропустить слово. Гуцин вылезал из воды, тяжело переноса ноги; на берегу он сел прямо в глину и стал выливать из сапог.

— Веху поставим? — спросил он снизу.

— Две. Одну на левом краю съезда, где валик. Вторую — на входе на настил, чтобы шофёр видел её раньше, чем начнёт заворачивать.

— Бирки писать?

— Писать. Коротко, чтобы читалось с седла и из кабины.

Вехи вытесали за полчаса, из того, что лежало под ногами. Бельский вывел на бирках печатными буквами и один раз стёр и переписал, потому что первая надпись выходила длиннее, чем прочтает человек, у которого руки на руле. Веху на левом краю Гущин вбивал сам и, вбив, покачал за верх — не шатается ли.

Проверка пришла сама. С запада, переваливаясь по колеям, подошла полуторка с ящиками, гружёная выше борта, и стала забирать влево — туда, где мягко.

Руднев вышел на середину съезда и поднял руку.

Машина встала. Шофёр высунулся, злой от усталости и оттого, что его останавливают четвёртый раз за день.

— Ну?

— Правее.

— Правее у вас яма.

— У нас правее яма, — согласился Руднев. — Яму видно. Проедешь по яме и потрясёшь ящики. Слева тебе не видно ничего, и там ты сядешь по ось, и потом восемь человек будут два часа тебя вынимать вместо своей работы. Правее.

Шофёр посмотрел на веху, на бирку, на глиняный валик, вывернутый наружу.

— А это кто наворотил?

— Тот, кто до тебя не спросил.

Полуторка прошла правой колеей, качнулась в яме, звякнула ящиками и пошла на настил. Настил ответил, левая колея опять сказала громче правой. Руднев дослушал до конца

пролёта.

— Бельский. В правый столбец: западный подход слабее, чем на схеме, левый край не держит гружёное. Смотрел старшина Гушин, я при этом был.

— И время?

— И время.

— Пятнадцать пятьдесят пять. — Карандаш остановился.

— Товарищ лейтенант, а стирать это когда-нибудь можно?

— Никогда. Если нас отсюда снимут завтра, следующий будет читать не схему. Он будет читать твой правый столбец.

* * *

Жук вернулся в начале пятого — мокрый до пояса, в глине по локоть, с ольховым листом, прилипшим к шее. Он не доложил. Он подошёл, подождал, пока Руднев договорит с Гушиным про топориче, и спросил:

— Товарищ лейтенант. У вас на схеме сколько съездов к воде?

— Один.

— А если два?

Руднев сложил схему.

— Показывай.

Пошли быстро. Жук вёл — назад по просёлку, мимо охранения у поворота, ещё шагов триста на запад, и там свернул в ольшаник, где никакого поворота не было видно, пока не встанешь на него ногой.

Ветка была старая. По краям она заросла — молодая по-

росль сомкнулась над колеей кронами, и сверху это место не читалось никак. Но середина была продавлена, и продавлена не в прошлом году.

Руднев присел.

Колея шла глубокая, с вывернутой наизнанку глиной. Глина была тёмная, влажная, ещё не взявшаяся коркой. Валик по краю не обсох. В самой колее стояла вода, и вода была мутная.

— Прошло тяжёлое, — сказал Жук. — Грузёное. Один след поверх другого, но след один и тот же.

— Когда?

Жук присел рядом, потрогал край колеи двумя пальцами и растёр глину.

— Ночью или утром. Точнее не скажу.

— Чьё?

— Не знаю.

— Сколько?

— Одно. Может, два подряд, одно в след другому. Больше не скажу, товарищ лейтенант. Дальше я гадать буду, а гадать нечего.

— Не гадай.

Руднев встал и пошёл по ветке вперёд — не по колее, рядом, чтобы не бить след. Ольшаник кончился быстрее, чем он рассчитывал. Ветка вышла на открытое, спустилась пологим боком и легла прямо на западный подход — ниже поворота, ниже въезда, ниже всего.

Она выходила на левый край съезда. На тот самый, где стояла свежая вежа.

Двое из охранения стояли в сорока шагах и смотрели на просёлок — туда, откуда положено идти. Руднев видел их спины и брезентовые скатки и стоял так секунд десять, пока Бельский не догнал и не задышал рядом.

— Эй, — сказал Руднев негромко.

Они не обернулись.

— Эй!

Обернулись оба, и обернулись поздно.

— Товарищ лейтенант? — Тот, что слева, шагнул вперёд, глядя не на него, а мимо, на ольшаник, из которого тот вышел. — Вы откуда?

— С той стороны, — сказал Руднев. — И не я один тут хожу.

Он повернулся и пошёл обратно по ветке, считая шаги. Их вышло немного. Ровно столько, сколько надо гружёной машине, чтобы выйти из ольшаника и оказаться на слабом краю раньше, чем её кто-нибудь увидит.

— Бельский. Правый столбец.

— Пишу.

— Ветка от просёлка на запад, в ольшанике, выходит на левый край съезда за спиной у охранения. На схеме ветки нет. По ветке этой ночью или утром прошло тяжёлое гружёное, чьё — неизвестно. Смотрел красноармеец Жук, я при этом был.

Карандаш шёл долго. Потом остановился.

— Товарищ лейтенант, — сказал Бельский, — а «неизвестно» тоже писать?

— «Неизвестно» пиши крупнее остального.

Он вернулся к колее и присел над ней ещё раз. Жук отошёл к воде и смотрел, куда уходит след дальше, и ничего не говорил.

Руднев опустил руку в колею. Глина взяла ладонь до запястья, мягко и без сопротивления, как берёт то, что ещё не осело. Он вынул руку. След ладони набрал воды и стоял полный до краёв, и муть в нём не оседала.

Глава 2. Слабое место

Гущин работал на коленях и передвигался по настилу задом наперёд, как ходят по крыше. Он стучал обухом по каждой доске, слушал и полз дальше. Звук выходил разный: где-то короткий и злой, где-то мягкий, будто под доской была не балка, а мешок.

— Эту, — говорил он, не оборачиваясь, и один из четверых ставил на доске мелкую зарубку топором.

— Эту тоже.

Руднев не мешал. Он стоял на западном входе, там, где просёлок последний раз перестаёт быть просёлком, и смотрел не на настил, а на то, как люди и машины на него заходят.

Заходили не по прямой. Это было первое, что он для себя выписал за час, и выписал не в тетрадь, а в голову: никто не въезжает на переправу так, как её рисуют. Подвода забирала вправо, потому что справа было выше и суше. Полуторка забирала влево, потому что слева был длиннее и положе поворот и потому что шофёру удобнее видеть край левым глазом. Пеший шёл посередине и уступал в последний момент.

Это значило, что дорога перед мостом работает не одной полосой, а тремя, и все три сходятся в одном горле, шириной с настил.

Он прошёл всю переправу насквозь, от той точки на западе, где машина ещё идёт спокойно, до той на востоке, где она

опять пойдёт спокойно, и прошёл дважды: сначала посередине, потом по левому боку, там, где ездят.

Восточная сторона была другой. Грунт там лежал светлее и суше, под подошвой хрустело, и накат уходил от настила прямо, без всякого горла, — уходил и растворялся в поле двумя ровными полосами. Там можно было разъехаться втроём. Никто и не разъезжался: с востока никто не спешил.

Западная кончалась поворотом. Из-за поворота машину не видно до последнего, и до последнего же не видно её тому, кто на настиле. Руднев встал на самом перегибе, где сходились обе слепоты, и постоял, считая про себя, сколько секунд у шофёра остаётся на решение.

Секунд было мало.

Он вернулся к горлу и каблуком провёл по земле три черты: где шла подвода, где шла полуторка, где шёл пеший. Черты сошлись, как сходятся пальцы, если сжать кисть.

— Бельский.

— Я.

— Что там у тебя написано в левом столбце про подход?

Бельский заглянул в тетрадь, хотя знал наизусть.

— «Подход один, ширина по схеме не показана». Это левый. В правом пока пусто.

— Пока пусто пусть и стоит. Не спеши.

Гущин дополз до восточного конца, сел на пятки и вытер лицо тыльной стороной кисти, оставив на скуле полосу.

— Товарищ лейтенант, идите сюда.

Руднев прошёл по настилу, наступая на зарубленные доски и слушая под подошвой то, что старшина слушал обухом. Зарубленные отзывались глухо и коротко, и разницу слышала подошва, а не только ухо.

— Четыре доски меняем, — сказал Гушин. — Две сегодня, две можно завтра, если завтра будет. Скоб не хватает, буду перебивать старые, они ещё живут. Поперечина у восточного конца треснула вдоль, но трещина старая, засаленная; свежего излома нет.

— Пролёт?

— Пролёт стоит. — Гушин показал обухом вниз, под настил, где стояла вода. — Дерево гуляет, но гуляет вместе, а не по кускам. Это разница. Пока идёт вместе — оно живое.

— То есть по дереву — жить можно.

— По дереву — жить можно, — согласился Гушин и поглядел на него снизу вверх дольше, чем требовалось для ответа, но ничего не добавил.

— Бельский. В правый столбец. Настил: четыре доски под замену, зарублены. Скобы перебиваем. Пролёт по дереву исправен. Смотрел старшина Гушин. И припиши: предварительно.

— Предварительно — это до чего? — спросил Бельский. — Я не знаю, до какого события писать.

— До того, как я посмотрю остальное. Так и напиши: предварительно, до осмотра подходов.

— Так честнее, — сказал Бельский и написал.

Он писал, а по западному подходу в это время сходились двое. Западный наблюдатель видел полуторку от поворота, но о встречной подводе ему с востока ещё никто не подавал. Подвода шла на запад, порожняя, и возчик держал вправо, к сухому. Полуторка шла на восток, гружёная под самый борт, и шофёр, увидев подводу уже в горле, сделал то единственное, что делает всякий шофёр, которому некогда: он взял влево.

Взял он туда, где стояла свежая веха.

Веху он объехал. Не сбил, обошёл её на локоть, и все четыре колеса на секунду встали на мягкое. Задние сели и вылезли, вывернув наружу тёмный пласт, и полуторка вползла на настил, качнув ящиками.

Руднев стоял и смотрел, как обсыхает вывернутое.

— Товарищ лейтенант, — сказал сзади один из четверых, — он же веху видел.

— Видел.

— И всё равно поехал.

— Он не по вехе едет. Он едет мимо подводы. — Руднев обернулся. — Веха ему сказала, где плохо. Она ему не сказала, куда деваться.

Он подошёл к вывернутому пласту и присел. Земля под коркой была тёмная и держала след пальца, как держит сырая глина, — не осыпаясь и не пружиня.

— Бельский. Ещё строка в правый. Гружёная при встречном движении сходит на левый бок. Наблюдал я, время по-

ставь сам.

— Восемнадцать ноль пять.

* * *

После этой записи Жук пришёл с обхода, разулся у воды, отжал портянки, обулся снова и только после этого подошёл.

— Товарищ лейтенант. Пойдёмте на подход. Я вам одно место покажу, пока свет прямой. Через час его будет хуже видно.

Пошли. Жук не стал вести к вехе. Он свернул раньше, к тому боку съезда, где никто не ездил, и присел там, где кончалась трава и начиналась голая земля.

— Смотрите на кромку.

Кромка была срезана. Не размыта, не осыпана — именно срезана, ровным полукруглым укусом, и под срезом видно было, как земля лежит слоями: сверху сухая корка, под ней тёмное и жирное, а ещё ниже опять посветлее.

— Верх держит, — сказал Жук. — Верх сухой, он корка. По корке хоть весь день ходи. Грузёное колесо корку проламывает и садится вот сюда. — Он показал пальцем на тёмный слой, не касаясь его. — Здесь мокро. Здесь оно и режет.

— Само зарастёт?

— Не зарастёт. Раз прорезало — вода найдёт. — Жук помолчал. — Дальше не скажу.

— Что «дальше»?

— Вы сейчас спросите, сколько машин кромка выдержит. Я не знаю. Я вижу, что было. Что будет — не вижу.

Руднев сел рядом на корточки. От земли шёл ровный холод, какой идёт от глины даже в июле.

— Тогда покажи, что было.

Это Жук умел. Он повёл ладонью вдоль кромки и стал считать вслух не машины, а укусы: вот один, старый, обсохший до серого, вот другой поверх него, свежее, вот третий, у которого край ещё тёмный и влажный. Между вторым и третьим лежала полоска нетронутого.

— Три раза садились в одно место, — сказал он. — Не подряд. Между вторым и третьим кто-то ходил ногами и при-топтал.

— За сегодня?

— Третий — за сегодня. Первые два раньше, но не намного. Точнее не скажу, товарищ лейтенант, и не просите.

— Не прошу.

Жук договорил только о том, что видел.

— Вон там трава темнее, — сказал он и показал подбородком вдоль склона. — В срезе вода уже стоит. Куда она пойдёт дальше и когда сядет край — не скажу. Завтра сравним.

— Здесь не болото.

— Здесь глина и склон, — согласился Жук. — Потому и сравнивать надо здесь, а не угадывать по нашему болоту.

— Отметить можешь?

— Веху ставить не буду, товарищ лейтенант. Я не знаю, где именно сядет. Я траву притопчу, чтобы завтра сравнить.

Он прошёл вдоль тёмной полосы и притоптал её сапогом ровной дорожкой, оглядываясь, чтобы дорожка вышла прямая и её было видно с бугра.

Они посидели молча. По съезду сверху прошёл гружёный, и от его прохода земля под коленями Руднева коротко дрогнула — не как от удара, а как дрожит стол, когда по нему в другом конце ставят чугуны.

— Бельский, — сказал Руднев громко, не поднимая головы. — Иди сюда. Считать будем.

Бельский пришёл с тетрадью и встал так, чтобы не заслонять свет.

— Ставь ноль. Дальше пиши каждую гружёную, которая пройдёт по левому боку, и что с кромкой после неё.

— А как записывать «что с кромкой»?

— Пальцами, — сказал Жук. — Ладонью.

Он приложил руку плашмя к срезу, вертикально, пальцами вниз и чуть врозь. Кромка приходилась ему по указательный.

— Сейчас по этот, — сказал он. — После следующей посмотрим, по какой.

Первая гружёная прошла через семь минут и по левому боку не пошла: там как раз стоял человек из охранения и стоял правильно, телом, а не рукой. Вторая пошла — навстречу опять оказалась подвода. Жук приложил ладонь.

— По средний.

— Записал, — сказал Бельский. — Две гружёные, из них

одна по левому. Кромка: с указательного на средний.

Третья прошла ещё через четверть часа, и после неё Жук не стал прикладывать руку сразу. Он сначала убрал носком сапога вывернутый пласт, лежавший сверху и мешавший мерить, и только потом приложил.

— Опять по средний. Только кромка теперь ниже прежнего положения на палец.

— Это как записывать? — спросил Бельский.

— Как сказано, — ответил Руднев. — Слово в слово. Не приглаживай.

Бельский написал слово в слово, вслух проговаривая, и на «кромка теперь ниже прежнего положения на палец» остановился и переспросил, не смеются ли над ним. Никто не смеялся. Жук уже смотрел на воду и молчал.

— Товарищ лейтенант, — сказал Бельский, дописав. — У меня получается, что я записываю руку Жука. А завтра Жука пошлют в другое место, и рука будет другая.

— И что ты предлагаешь?

— Поставить две вехи. — Он показал карандашом сначала на твёрдое место по эту сторону среза, потом на такое же с другой. — Между ними натянуть бечеву, а на ней сделать узел над нынешней кромкой. Тогда чья угодно рука, но узел один.

Жук выбрал обе точки за пределами рыхлого слоя. Двое сапёров забили короткие вехи, Бельский натянул между ними бечеву без провиса и завязал узел точно над кромкой.

Потом отметил карандашом места, где бечева легла на обе вехи, снял её и снова натянул по чертам. Узел вернулся туда же.

— И подпиши, что это не размер, — сказал Руднев.

— Как подписать?

— «Отметка кромки на девятнадцать часов: две вехи, узел на натянутой бечеве». И ниже: сдвинулась вежа или провисла бечева — сравнения нет.

* * *

К двадцати часам Руднев собрал у бревна тех, кто был свободен, и сказал то, что за последний час сложилось у него в голову в ровную, служебную, годную для доклада фразу.

— Объект принят. Пролёт исправен, настил под мелкий ремонт. Мост цел. Левый край закрыт для гружёного, двух рядом не пускаем. Съезд чиним попутно; остальное движение не ограничиваем.

Он и сам услышал, как это хорошо звучит.

— Нет, — сказал Гушин.

Он сказал это не громко и не поперёк — так говорят «нет» в мастерской, когда мастер видит, что заготовку сейчас испортят. Но сказал при всех, и все услышали, и Бельский, у которого карандаш уже шёл по строке, остановил карандаш.

— Слушаю, — сказал Руднев.

— «Мост цел» — это правда, товарищ лейтенант, и она вам ничего не даёт. — Гушин поднялся с бревна, потому что сидя такое не говорят. — Мост — это то, что между берега-

ми. Он у нас есть, он стоит, я его смотрел руками. А везут не через мост. Везут по дороге. Дорога — это от того места, где машина последний раз шла спокойно, до того, где она опять пошла спокойно. У нас между этими двумя местами мост в середине, а по краям — то, во что Жук пальцы кладёт.

— Договаривай.

— Договариваю. Вы приняли мост, а вам отдали дорогу. Если оставить только прежний запрет и чинить съезд попутно, то к утру у вас будет целый мост и не будет к нему подхода. И тогда пролёт ваш никому не понадобится, потому что до него не доедут.

Кто-то из стоявших переступил с ноги на ногу. Никто не сказал ни слова.

Руднев смотрел на старшину и думал не о том, прав ли тот. Прав он был с первого слова. Руднев уже видел горло, принял запрет на левый край и две машины рядом — и всё равно сложил доклад так, будто этими двумя запретами вся дорога уже учтена. По сооружению, а не по пути.

— Бельский, — сказал он. — Пиши.

— Пишу.

— Решение, объявленное в двадцать ноль-ноль, изменяю. Прежнего ограничения мало. Слабое место объекта — не пролёт и не один левый край. Слабое место — западный подход целиком. Основание: возражение старшины Гущина, наблюдения красноармейца Жука по кромке, три отметки за неполный день.

Карандаш пошёл и остановился.

— Товарищ лейтенант. Записать, что вы изменили решение?

— Записать, кто его изменил. Это разные вещи.

— Разные, — сказал Бельский и записал.

— Теперь схема. — Руднев развернул бумагу на колене и повернул к Бельскому. — Твоя работа. Правь.

— Прямо на дивизионной?

— На копии, которую ты сейчас сделаешь. Дивизионную не порти, она чужая. На своей рисуй так, как есть: подход, где он на самом деле идёт, горло перед настилом, левый бок с отметками, ветка из ольшаника и куда она выходит.

Бельский присел к бревну, положил чистый лист на планку и стал переносить. Он работал быстро и один раз сам себя остановил.

— Товарищ лейтенант, ветку я где ставлю — как видел или как измерил?

— Как видел. И подпиши: не измерено.

— Тогда я её пунктиром. Пунктир — это «есть, но не проверено». Так меня учили.

— Так и делай.

Гущин стоял рядом, заглядывая через плечо, и молчал, пока не появилось горло.

— Вот тут у тебя узко нарисовано, — сказал он. — А оно ещё уже.

— Я по шагам ставил.

— Ты по своим шагам ставил. Ты ходишь как чертёжник, аккуратно. Ты его пройди ещё раз, но так, как ходит шофёр, который спешит.

— Это как?

— Косо, — сказал Гуцин. — И не глядя под ноги.

Бельский пошёл и прошёл косо, и вернулся, и стёр, и поставил уже. Стирал он тщательно, до чистого, чтобы под новой линией не осталось старой.

— Гуцин, — сказал Руднев. — Раз слабое место твоё, то и порог твой.

— Какой порог?

— Ты мне скажешь, когда подход годен. Не я. Не по бумаге, не по времени — ты придёшь и скажешь: годен. И назовёшь, чем ты это проверял.

Старшина потёр ладонью щетину на скуле, там, где утром осталась полоса грязи.

— Это вы мне сейчас не спасибо сказали, — заметил он.

— Не спасибо.

— Ну и правильно. — Он подумал. — Проверять буду так: пушу по подходу гружёную, а сам сяду сбоку и посмотрю, как земля под ней работает. Если работает вся вместе — годен. Если под колесом отдельно от остального — не годен. Это вам не размер, товарищ лейтенант, я вам размеров не дам, я не считаю, я смотрю.

— Мне и не нужен размер. Мне нужно, чтобы ты сказал одно из двух слов.

— Тогда слушайте сразу, — сказал Гушин. — Сегодня я вам этого слова не скажу. И, скорее всего, завтра к утру не скажу тоже. Чтобы вы потом не удивлялись и не думали, что старшина тянет.

— Не буду думать.

— И людей мне на подход надо не тех, что на настиле. На настиле у меня двое с топорами, и они там нужны. Значит, четверых берите с разгрузки.

— С разгрузки возьму троих. Четвёртого не дам: если некому будет расшивать, у тебя на подходе встанет гружёная, и ты будешь чинить под ней.

— Троих хватит, — сказал старшина без спора, и это было заметнее любого спора: он просил четверых, чтобы получить троих, и получил ровно то, что просил.

* * *

Свет пошёл вкось, и тени вех вытянулись через съезд поперёк, лёгши как раз на левый бок. Руднев собрал всех свободных у переправы.

— Слушать один раз. С этой минуты на подходе и на настиле — по одному. Ни встречно, ни следом. Пока машина не прошла весь участок от одного крайнего поста до другого, следующая ни с одной стороны на участок не входит.

— Совсем встанет движение, товарищ лейтенант, — сказал старший из охранения.

— Не встанет. Оно пойдёт медленнее и целиком. Сядет одна на левом боку — встанет всё, и надолго, и вынимать её

будем мы, а не они.

— Понял.

— Наблюдатели. Двое по краям. Один здесь, на западном входе. Второй — у восточного входа, там, где настил кончается. После полного выхода машины с участка крайний передаёт знак через среднего противоположному посту.

— Голосом не докричаться, — сказал тот же. — Настил длинный, а машина шумит.

— Потому третий. — Руднев показал на бугор посередине, там, где съезд перегибался. — Ты станешь сюда. Отсюда тебя видно и с того конца, и с этого. Крайний поднял руку — ты повторил другому. Тот увидел — освободил горло. Не увидел — не пустил. Ничего своего не придумывать: рука вверх — весь участок свободен, руки нет — стой.

— А если я его руку прозевал?

— Тогда никто не поехал, и это лучшее, что может случиться от того, что ты прозевал.

— Ясно.

— Четвёртый — на ветку. — Он повернулся к Жуку. — Не в горло ветки, а сбоку, выше по склону на твёрдом месте, чтобы видеть и её, и наш левый бок, а западный пост видел тебя. Если по ветке кто-то пойдёт — не останавливать, не заходить в неё, не светить, никаких разговоров. Поднимаешь обе руки крестом. Западный закрывает горло; потом бежишь за мной.

Жук посмотрел в сторону ольшаника.

— А если пойдёт мимо и на съезд?

— Крест держишь, пока западный не встанет в горло. Одну руку не поднимаешь: одна означает, что участок свободен. Потом бежишь за мной. Дальше решаю я.

— Понял, — сказал Жук.

— Бельский. Пиши режим целиком, все четыре поста, и время объявления.

— Двадцать сорок.

— И припиши: до доклада старшины Гущина о годности подхода. Не до утра, не до приказа. До его слова.

Первую машину провели через несколько минут. Гружёная встала перед горлом, шофёр высунулся ругаться, ему показали ладонью на бугор, где стоял человек, и он ругаться перестал и стал смотреть туда же. Восточный поднял руку. Средний повторил. Западный отступил из горла. Гружёная пошла, взяла правее, чем брала днём, потому что слева на этот раз никто не тянулся навстречу, и сошла на той стороне чисто.

— Ещё раз, — сказал Руднев.

Следующая проводка пошла хуже. Шофёр порожней, идущей с востока, увидел пустое горло и полез в него, не глядя на бугор, а наблюдатель у восточного входа не успел встать телом и по привычке махнул рукой.

Порожня прошла. Руднев дождался её на той стороне и остановил.

— Стой. Глуши.

— Товарищ лейтенант, я порожний!

— Ты порожний. За тобой гружёный. Он увидит, что тебе можно, и решит, что ему тоже. — Руднев подождал, пока шофёр это сложит. — Обратно поедешь через час. Поедешь по правилу и постоишь перед горлом, сколько скажут, даже если оно пустое. Пусть на тебя посмотрят.

— Понял.

— И ты, — сказал он наблюдателю. — Рукой не маши. Рука у тебя одна и означает одно: свободно. Всё остальное — ноги. Встал в горло — значит, стой.

Провели ещё раз, и ещё. На четвёртой машине шофёр уже сам остановился перед горлом и, не дожидаясь, стал искать глазами человека на бугре.

Гущин подошёл, вытирая руки о полу.

— Медленно.

— Медленно.

— Зато никто не сидит на боку, — сказал старшина. — Я к настилу пойду, две доски успею до темна.

Он ушёл. Руднев остался на входе.

Свет сел, и по земле пошла та серость, в которой сначала пропадают вехи, а потом всё остальное. С запада, из-за поворота, донёсся звук, который слышно раньше, чем видно, — низкий и ровный, и он не приближался рывками, как приближается одна машина, а рос понемногу и не кончался.

Руднев отступил на обочину, чтобы не стоять в горле.

— Средний! Руку держи высоко. Их будет много.

Глава 3. Объезд

На развилке она стояла раньше них.

Руднев увидел её от поворота: женщина в тёмном платке, с тетрадью под мышкой, стояла на самом клину между двумя дорогами. К подходившим сапёрам она повернулась спиной и смотрела вдоль левой колеи — узкой, заросшей посередине, с двумя накатанными полосами по краям.

— Левченко Анна, — сказала она, когда подошли. — С хутора. Мне сказали, у переправы теперь вы старший.

— Лейтенант Руднев.

— Тогда идёте, лейтенант. Пока следы не затоптали, видно, где ездили, а к обеду не разберёте.

Она пошла первой, по гребню между колеями, где трава была ниже. Гушин с рабочей группой шёл сзади и молчал, Жук отстал сразу и брёл сбоку, глядя себе под ноги.

Дорога была не дорога. Дворовая, как их называют: она вела от развилки вдоль огородов, за спины дворов; две тележные колеи тянулись по её краям, а середину уже забрала трава.

— Куда она выходит? — спросил Руднев.

— К бродку. Через бродок — на восток, на ту же вашу дорогу, только за поворотом.

— Значит, мимо переправы.

— Мимо. Мы этой дорогой возим, когда на просёлке

грязь.

Он остановился и достал схему. На схеме не было ни развилки, ни дворовой дороги, ни бродка. Был один просёлок и на нём короткая чёрточка Каменки.

— Понятно, — сказал он и убрал бумагу.

— Что вам понятно?

— Что схему рисовали не здесь.

Она посмотрела на него внимательно, будто примеряя ответ, и промолчала.

— Долго она держит, ваша дорога? — спросил он.

— Пока сухо — до самых холодов. По мокрому — как повезёт.

— Кто по ней ездил последним?

— Я. Позавчера. Порожня, туда и обратно.

— До бродка доехали?

— До бродка не поехала, — сказала Левченко. — Я до кустов доехала и повернула. Дальше не стала.

— Почему?

— Потому что я не Жук ваш и не пробую. Я поворачиваю.

Он отметил ответ. Она сказала «не поехала» и «повернула» и ни разу не сказала «нельзя», хотя явно так думала: женщина, которая сама возит, отделяла то, что видела, от того, что решила.

— Слушайте дальше. Этой дорогой живут вот эти дворы. — Она пошла слева направо и у каждой калитки называла фамилию из тетради. Руднев повторял, чтобы связать фами-

лию с двором. — Другого выхода у них нет. Вернее, есть: через ваш мост.

— Через переправу можно.

— Можно. Пешком. С узлом.

— Ну.

— А корову вы через ваш мост поведёте?

Руднев не ответил сразу. Он посмотрел на дворы, на низкий забор из жердей, на телегу с поднятыми оглоблями, стоявшую под навесом, и на то, как эта телега стоит: развёрнутая уже наружу, к дворовой дороге, будто её ставили так не сегодня.

— Население этого хутора, — начал он, — в случае, если...

— Не надо, — сказала Левченко.

— Что не надо?

— «Население». — Она остановилась и повернулась к нему. — У меня в тетради «население» нет. У меня в тетради дворы и фамилии. Вы скажете «население» — и всех сразу как-то так, одним махом. А их не одним махом. Их по одному выводить, и каждый по-своему тяжёлый.

Она открыла тетрадь. Тетрадь была школьная, разлинованная в косую, и на первой странице шли строчки, писанные не одним карандашом: одни бледные, другие поверх, крепче.

— Читать не буду, вам без надобности, — сказала она. — Но вы у меня спросите, я вам каждого назову: кто, чей, кто

ходячий, у кого дитя, у кого мать лежит. И вы тогда будете говорить не «население», а «эти сегодня, эти завтра».

— Хорошо, — сказал Руднев. — Назовёте, когда дойдём до дела.

— Мы уже дошли.

— Ещё нет. — Он посмотрел вдоль дворовой дороги, туда, где она уходила в кусты и пропадала. — Я пока не знаю, годится ли ваша дорога хоть на что-нибудь. Пойдём посмотрим. Если не годится, то и договариваться не о чем, и я вам голову морочить не буду.

Левченко выдержала паузу и кивнула — коротко, как кивают на понятное, а не на приятное.

— Это правильно, — сказала она. — Идёмте.

* * *

Жук ушёл вперёд ещё до того, как ему сказали, и это было хорошо, потому что первым надо было пускать не старшину и не командира.

Он шёл по правой полосе, изредка сходя на середину и возвращаясь, останавливался, приседал, трогал землю ребром ладони и снова шёл. За кустами дворовая дорога пошла под уклон, трава стала выше и темнее, и по обеим сторонам появились кочки.

За кустами, уже в низине, Жук встал.

Он стоял и ничего не делал, пока не подошли. Потом молча взял из-под ног обломок жерди и сунул его в землю рядом с колеей.

Жердь вошла неожиданно легко. Жук отпустил руку, и она осталась стоять сама, чуть накренившись.

— Вот, — сказал он.

— Насколько дальше так? — спросил Руднев.

— Не знаю.

— Пройти можешь?

— Пройти могу. — Жук поглядел вперёд, где трава шла ровным сплошным ковром, без единой сухой проплешины. — Пройду и вернусь. И скажу вам, что я прошёл. Это вам ничего не даст, товарищ лейтенант. Я легче телеги. Телега тут не пройдёт.

— Почему?

— Потому что вон там, — он показал подбородком, не пальцем, — трава стоит одинаково. Где ездят, она не стоит одинаково. Значит, тут давно не ездили. Почему — спросите у хозяйки.

Левченко подошла и стала рядом.

— Тут давно не возили, — подтвердила она. — Где начинается мягкое, я вам покажу. Когда началось — не скажу.

— До какого места твёрдо? — спросил Руднев Жука.

— До кривой ольхи позади. — Жук показал на куст. — До него твёрдо, я по нему шёл. От куста досюда — уже не скажу, тут корка на воде. Дальше — не пойду и не советую.

— Не пойдёшь?

— Пойду, если прикажете. — Он сказал это без обиды и без вызова, словно уточнял срок работы. — Только я вам

оттуда ничего не принесу, кроме мокрых ног. Мне отсюда видно то же самое, что оттуда.

Руднев сам дошёл до жерди. Первые шаги земля держала, как держит всякая тропа: отдавала под подошвой и возвращала. Потом перестала возвращать. Подошва пошла вниз медленно и без звука, и это было хуже, чем если бы она провалилась разом.

Он вернулся на сухое и обстучал сапог о сапог.

— За бродком что?

— Не знаю. Я бродка не видел, мне про него сказали. Я про то, чего не видел, не говорю.

— А если пошлю кругом, по твёрдому?

— Тогда схожу и скажу. — Жук подумал. — Только это надолго, товарищ лейтенант, и то если кругом идти можно. Я и этого не знаю.

Руднев постоял. Ему хотелось, чтобы дорога шла дальше, и он поймал себя на этом желании и на том, что оно уже начало подсказывать ему удобное.

— Не ходи, — сказал он. — Стой здесь и смотри, где у нас кончается твёрдое. Мне сейчас важнее, где кончается, чем что там дальше. — Он обернулся. — Гушин.

Старшина был уже у куста. Он присел на корточки и долго шупал землю костяшками там, где кончалось твёрдое.

— Значит, так, — сказал он, поднимаясь. — Пеший тут пройдёт всегда и без нас. Ему и сейчас можно, только сапоги наберёт.

— Телега?

— Телега — только если закрыть мягкое пригодным лесом и после проверить проходом. — Гушин коротко показал полосу от куста и дальше, не выдавая ещё не сделанное за дорогу. — Работы здесь хватит. Нужен материал.

— Из чего?

— Вот, — сказал Гушин.

Он поднял с земли обломок жерди — ту, что воткнул Жук, — и переломил её пальцами. Она переломилась легко, с мягким звуком; излом оказался бурым.

— Из этого — нет.

— Что скажешь про машину? — спросил Руднев.

— Скажу — нет.

— Порожнюю?

— Нет, — повторил Гушин ровно. — И вы меня, товарищ лейтенант, не уговаривайте, и сами себя не уговаривайте. У нас с вами вчера мост целый был, а подхода не было. Так и тут: будет у нас с вами настил через мокрое, а перед ним и за ним — то же самое, по чему мы сейчас идём. Пешему всё равно, телега пройдёт, потому что она лёгкая и потому что её, если что, вытянут руками. Машину руками не вытянешь. Машина сядет и заперёт дорогу, и тогда у вас и этой не будет.

Он помолчал.

— Больше, чем мы здесь проверим, я ей не обещаю.

— Записать некому, — сказал Руднев. — Повтори при Левченко.

Гущин повернулся к женщине и повторил слово в слово.
— Пеший и телега. Машину — нет. Это не осторожность, хозяйка. Это всё, что тут есть.

Левченко приняла это, не моргнув.

— И на том спасибо, — сказала она. — Только у меня телег не столько, сколько дворов.

* * *

Лесоматериал лежал у неё на дворе, под навесом, вдоль стены, прикрытый сверху старой соломой и жердями. Штабель был сухим и прибранным: его берегли.

Гущин обошёл штабель кругом, поднял верхнюю, постучал по ней костяшкой, послушал, положил обратно ровно на то же место.

— Годится, — сказал он тихо, для Руднева. — И, товарищ лейтенант, другого тут нет. Я по хутору смотрел, пока шли. Всё остальное — либо в стене, либо труха.

Руднев подошёл к навесу и не стал ни трогать штабель, ни становиться к нему спиной.

— Анна Левченко, — сказал он. — Мне нужен ваш лес. Весь, сколько есть под навесом.

Она стояла у крыльца, сложив руки под грудью, и не двинулась.

— Нет.

— Я не отбираю. Я прошу.

— И я не отдаю, — сказала она. — Ни отобранного, ни прошенного. Вы, лейтенант, слушайте, что я говорю, а не как

я это говорю. Я вам не из жадности отказываю. Я вам отказываю потому, что этот лес — единственное, что у меня есть такого, что вам нужно. Отдам — и меня больше не о чем спрашивать.

Гущин отошёл на два шага и стал смотреть в сторону, как смотрят, когда не хотят мешать.

— Чего вы хотите? — спросил Руднев.

— Выхода. — Она сказала это просто, без нажима. — Вы кладёте дорогу для телег. Хорошо. По ней и поедем. Но телег на все дворы не хватит, и есть те, кому своим ходом до бродка не дойти. Им надо через мост.

— Через переправу днём идёт транспорт.

— Значит, не днём.

— Сколько таких, кого не свезти? — спросил Руднев.

— Перед выходом я ещё раз сверю. Но порядок назову сейчас. — Она положила ладонь на тетрадь и не открыла её. — Сперва те, кому своим ходом не дойти. Потом дворы по тетради, слева направо. Фамилию каждого скажу у калитки. И вы по одному будете отвечать.

— Согласен.

— Вы легко соглашаетесь.

— Я соглашаюсь с вашим порядком, — сказал Руднев. — Труднее будет провести каждого вовремя.

— Ночью я вас не поведу, — сказал Руднев. — Ночью там встречное движение и темно, и я вас там потеряю, а не выведу.

— Тогда сами скажите когда.

Он молчал дольше, чем следовало командиру.

Он думал не о ней и не о её тетради. Он думал о том, что срока у него нет, что ему его не дали и, судя по капитану, не дадут, и что всё, чем он сейчас располагает, — это восемнадцать человек, ограничение на въезд, четыре поста и слово, которое он собирается дать женщине с хутора.

— Сегодня по мосту пойдёт колонна, — сказал он. — Она пойдёт первой и пойдёт длинной. Пока идёт колонна, на переправе не будет ни вас, ни ваших телег, ни коровы, никого. Это не обсуждается.

— Я и не обсуждаю.

— Когда пройдёт хвост, будет пауза. Она всегда есть. — Он остановился и поправил себя, потому что услышал, как это прозвучало. — Она обычно есть. В эту паузу я даю вам окно.

— Что это значит — окно?

— Это значит, что мои люди перед этим пройдут подход и настил и посмотрят его руками. Что на въезде будет стоять мой человек и никого встречного не пустит, пока вы идёте. И что я приду за вами сам.

— Пришлёте?

— Приду, — сказал Руднев. — Не пришлю. Приду.

Левченко смотрела на него молча, и это молчание было длиннее, чем ему хотелось.

— Вы молодой, — сказала она наконец. — Молодые обе-

щают легко.

— Я говорю прямо. Больше проверенного окна не обещаю.

— Ну, положим. — Она открыла тетрадь и провела пальцем по строкам сверху вниз, не читая вслух. — А сколько их пройдёт в это ваше окно?

— Не знаю. Столько, сколько успеет, пока идёт пауза.

— Вот и договорились наполовину, — сказала она. — Тогда очередь называю я. Не вы, не ваш старшина, не тот, кто первый прибежит с узлом. Я по тетради, вслух, по порядку. И вы за каждым, кого я назову, ставите отметку, что провели.

— Ставлю.

— И, лейтенант. — Она захлопнула тетрадь. — Если у вас не выйдет, вы придёте и скажете, что не вышло. Сами, не через людей. Мне надо будет их обратно по дворам разводить, а это дело хуже вывода.

— Приду и скажу.

— И последнее. Раньше полудня не обещаю. Первым по объезду пройдёт Гушин. Пока он не вернётся и не скажет, что дорога держит, я туда никого не пущу, и вас в том числе.

— К полудню, — повторила она. — Запомнила.

Гушин, стоявший спиной, повернулся.

— Товарищ лейтенант.

— Знаю, — сказал Руднев, не оборачиваясь. — Скажи вслух.

— Скажу. — Старшина подошёл. — Вы сейчас пообеща-

ли то, что не в ваших руках. Пауза — не в ваших. Колонна — не в ваших.

— Верно.

— И я вам поперёк не встану, потому что иначе леса не будет, а без леса дороги не будет. Но вы имейте в виду: если паузы не случится, платить будете вы, а не они.

— Знаю.

— Ну и хорошо, что знаете. — Гущин повернулся к штабелю и уже другим голосом, рабочим, крикнул своим: — Разбирай сверху! По одной, не сваливать!

* * *

За работу взялись все, кого Руднев оставил у объезда.

Сначала Руднев развёл людей. Часть вернул к переправе — сказать, что старшина будет позже и чтобы без него левый бок не трогали. Связного поставил на развилке, лицом на запад, смотреть просёлок.

— Пойдёт колонна — не кричи оттуда. Добеги и скажи.

— Далеко бежать, товарищ лейтенант.

— Потому и не кричи. Крик я услышу наполовину и пойму не то.

Сапёры несли, жители несли, телегу гоняли от двора к низине, пока носить на руках не стало быстрее, чем объезжать кругом. Гущин проверял каждую жердь до работы, трухлявое откладывал, а готовую полосу не называл дорогой. Он работал молча и один раз только сказал: «Этот не годится», — и то не громко.

Жук обозначил видимые края двумя вехами, чтобы было понятно, где проверенная полоса кончается.

Жители носили молча и не всё подряд. Старик принёс жерди, постоял, посмотрел на работу, а одну унёс обратно, и никто ему ничего не сказал, и Руднев тоже не сказал. Кто-то принёс воды в ведре и поставил с краю; вода в ведре так и простояла нетронутой, потому что пить на ходу никто не стал.

Левченко не носила. Она стояла у навеса и считала, что уносят, шевеля губами, и на середине сбилась и начала сначала.

Незадолго до полудня рабочая полоса дошла до сухого края.

Первым прошёл Гушин. За сухим краем он не остановился: перешёл бродок, вышел на восточную дорогу за поворотом и вернулся тем же путём. Только тогда сказал: «Ходит».

Руднев прошёл вторым, обычным шагом. Настил держал. Посередине, возле оставленной Жуком жерди, при каждом шаге выступала чёрная вода и уходила обратно.

— Держит, — сказал он.

— Человека держит, — отозвался Гушин от куста. — Под колесом посмотрим.

Потом пустили телегу.

Телега шла тяжело и на середине качнулась, и все, кто был рядом, разом взялись за задок и за колесо, и вытолкнули, и она пошла дальше и вышла на сухое. Гушин поднял руку,

останавливая помощников.

— Стой. Дальше только возчик и я.

— Прошла же, — сказал кто-то.

— Здесь прошла с руками. Дорога ещё до бродка.

Гущин повёл телегу дальше, до восточной дороги, и вернулся тем же путём. После этого он разрешил заводить по одной, с людьми у колёс, и следующую не пускать, пока предыдущая не выйдет.

Руднев смотрел, как жердь под колесом легла на место сама, и как из-под неё выдавило чёрное.

С левого края, от дворов, показался грузовик. Он шёл медленно, шофёр высунулся и высматривал, куда тут можно.

Руднев вышел ему навстречу и поднял руку.

— Разворачивайся.

— Товарищ лейтенант, там на мосту по одному пускают, долго стоять буду.

— Будешь.

— А тут же положено!

— Тут положено под телегу. Машине сюда нельзя.

Шофёр поглядел на поворот между углом двора и баней, но на дворовую дорогу не сунулся. Он вывернул колёса на развилке и встал: борт пришёлся бы в угол сруба.

— Не развернуться, — сказал он.

— Назад по своей колее. На просёлке развернёшься, — сказал Руднев.

Грузовик выбрался задним ходом, зацепил жердину забо-

ра и ушёл на просёлок.

Жердину подняли. Она не встала: гнездо в столбе разбило, и её пришлось прислонить.

— Вечером поправим, — сказал Гушин.

— Сейчас. — Руднев указал подбородком на ближайших.

— Мы сюда не заборы ломать пришли.

Те пошли и поправили — не хорошо, но так, что стояло.

— Хорошо, что не пустили, — сказал Гушин. — Потом мне бы его словами было не вытащить.

Левченко стояла у крайней вехи, с тетрадью, и смотрела на настил из жердей так, как смотрят на чужую работу, которой придётся пользоваться.

— К полудню, — сказала она. — Вы говорили: раньше полудня не обещаете. Успели.

— Успели, — сказал Руднев. — Дальше как условились: колонна, потом я приду. Собирайте своих к дворовой дороге, чтобы ждали не в поле.

— Соберу.

Он повернулся к развилке и хотел сказать Гушину про людей на подходе, и не сказал.

С запада, из-за поворота, шёл звук — низкий, ровный, многоголосый, тот самый, что ночью, только гуще. Он не приближался рывками. Он просто был, и его становилось больше.

До полудня ещё оставалось время.

Глава 4. Чья отметка

Восточный пост стоял у схода, где доски настила переходили на песчаную дорогу.

Руднев сидел на сходе, положив на колено доску, а на доску — бумагу, и не мог закончить донесение.

Он писал: «седьмого июля, к восьми часам». Дальше начиналось трудное.

Трудное было не в том, что сказать, а в том, чего он не имел права написать. «Переправа работает» — правда и вранье сразу: работает по одному, с остановкой перед горлом, и всякий, кто прочтёт «работает», подумает про то, как она работала до них. «Подход ограничен» — понятно ему и Гущину, а тому, кто читает, не говорит ничего: ограничен насколько, до каких пор, кем снимается.

Он написал «подход ограничен», посмотрел и приписал в скобках, что снимает ограничение старшина. Потом вычеркнул скобку, потому что фамилия старшины ничего не значила для чужого человека, и снова вписал, потому что для своего значила всё.

Бумага после вычерков стала грязной, а строк всё ещё было мало.

Посыльный пришёл со стороны просёлка, дождался провета в потоке, прошёл настил и поднялся к посту.

— Товарищ лейтенант.

— Стой, дыши. — Руднев отложил карандаш. — Отдыхался?

— Так точно.

— Говори.

— Передали: одиночные машины через переправу пропускать без задержки. Не держать. Задерживать только там, где ремонт.

Руднев смотрел на него ровно столько, сколько нужно, чтобы человек понял: его не подозревают, но и не отпускают.

— Кто передал?

— Старший на пункте.

— Он сам это слышал?

Посыльный помедлил. Это было хорошо: тот, кто отвечает сразу, обычно отвечает не то.

— Не знаю. Ему сказали при мне. Не по телефону, а сказали — вошёл человек и сказал.

— Что за человек?

— Не знаю. Не наш. Он и минуты не стоял.

— Он назвался?

— При мне — нет.

— Хорошо, — сказал Руднев. — Ты не виноват. Теперь второе. Бумага у тебя?

Посыльный достал из-за пазухи сложенный лист и подал.

Руднев развернул. Лист был не приказ, а форма для донесения, чистая, и в верхней строке чужой рукой было представлено, куда и через кого его слать. Вчера он слал по дру-

тому адресу — так, как ему сказали позавчера.

— Кто это написал сверху?

— Не знаю. Мне дали так.

— Кто дал?

— Тот же старший на пункте. Он сказал: «Со вчерашнего адрес другой, пусть пишет по-новому».

— Он сказал «со вчерашнего» или «с сегодняшнего»?

Посыльный опять помедлил.

— «Со вчерашнего», — сказал он. — Точно так. Я запомнил, потому что удивился: как со вчерашнего, если вчера я ему носил по-старому и он принял.

— Правильно удивился.

Руднев положил лист на доску рядом с недописанным донесением и посмотрел на оба сразу. Ему очень хотелось решить, какое из двух правильное. Он поймал это желание за хвост и не пустил.

— Бельский!

Бельский поднялся от воды, где мыл руки после ночной работы, и пришёл, вытирая ладони о штаны.

— Пиши, — сказал Руднев. — Отдельно и не подряд.

— На чём?

— На обороте. Пока на обороте. — Он подождал. — Первое. Седьмого июля, около восьми часов, посыльный передал устно: одиночные машины пропускать без задержки. Источник — старший на пункте. Он получил это от неизвестного лица, лично, при посыльном. Лицо не назвалось.

Карандаш пошёл и остановился.

— Товарищ лейтенант, «неизвестного лица» — это как записывать? Это ведь может быть кто угодно.

— Так и записывай: неизвестное лицо. Не «командование», не «сверху», не «передали из части». Ты не знаешь, кто это. Напишешь «сверху» — потом кто-нибудь прочтёт и решит, что это приказ.

— Понял. — Он написал. — Дальше?

— Второе. Тем же посыльным доставлена форма донесения с проставленным адресом. Адрес не совпадает со вчерашним. Со слов посыльного, изменение действует со вчерашнего числа, при том что вчера донесение принято по старому адресу.

Бельский дописал и поднял глаза.

— Это же одно и то же сообщение. Один человек, одна ходка.

— Один человек, две вещи. — Руднев постучал пальцем по бумаге. — Устное — про движение. Письменное — про то, кому я обязан докладывать. Если ты их сложишь в одну строку, завтра выйдет, что мне про движение сказали оттуда же, откуда дали адрес. А этого никто не говорил.

— Понял, — сказал Бельский и переписал вторую строку с новой, отдельной.

— Товарищ лейтенант, а третье писать?

— Какое третье?

— Что вы сказали посыльному. Вы ведь ему ничего не

сказали, кроме «ты не виноват». Он придёт назад, его спросят: передал? Он скажет: передал. И всё. А что здесь с этим сделали — никто не узнает.

Руднев повернул голову.

— Пиши третье. Ответа не дано, поправка не принята и не отвергнута, записана как сообщение. Режим на переправе прежний.

— Так и говорить ему?

— Так и скажи ему сам, при мне. — Он посмотрел на посыльного. — Слушаешь?

— Слушаю.

— Повтори.

Посыльный повторил — не слово в слово, но по смыслу, и на «не принята и не отвергнута» запнулся и попросил сказать ещё раз, и повторил снова, и во второй раз вышло чисто.

— Иди, — сказал Руднев. — И если тебя ещё раз пошлют с устным, спрашивай сразу: от кого. Не постесняйся. Тебе за это ничего не будет, а мне без этого нельзя.

* * *

Схему он держал у себя, свёрнутую в четверо, и разворачивал её на доске так, чтобы не сгибать по новому месту.

Копия вышла у него хорошая: подход, горло, левый бок с отметками и основной настил. Ветку Бельский снова провёл пунктиром с пометой «не измерено»; дворовую дорогу от развилки и жердяной участок — тоже пунктиром, с пометой «со слов Гущина»; крайние вехи — со слов Жука.

— Подпиши, — сказал Руднев.

— Что подписать?

— Схему. Внизу: составил такой-то, седьмого июля. Она пойдёт с донесением, её будут читать чужие люди, и они должны знать, чья рука.

Бельский взял карандаш и не подписал.

Он стоял, наклонившись над доской, довольно долго. Раньше Бельский такого упрямства при нём не показывал.

— Не могу всю, — сказал он наконец.

— Почему?

— Потому что вот это, — он показал остриём, не касаясь бумаги, — я тогда рисовал как видел. Ветку прошёл один раз следом за вами, выход видел и нанёс пунктиром. Но линию между горлом и выходом по бумаге не проверял.

— Жук видел.

— Жук видел. Жук пусть и подпишет свой доклад. — Он поднял голову. — Товарищ лейтенант, я не спорю. Я готов подписать всё, что смотрел. Вот подход — смотрел. Горло — сам мерил. На основном настиле был. А ветку не проверял; дворовую дорогу и жердяной участок наносил со слов Гущина, крайние вехи — со слов Жука.

Гущин, сидевший в стороне и правивший топорище, поднял голову и опять опустил.

Руднев чувствовал, как в нём поднимается лёгкое, знакомое раздражение человека, у которого впереди срок, а сзади подчинённый с сомнением. Он подождал, пока оно осядет,

потому что уже знал: оно осядет, а решение останется.

— Значит, так, — сказал он. — Берёшь сопровождающих, идёшь на ветку и проходишь её целиком. От горла до просёлка и обратно. Не бегом.

— Сейчас?

— Сейчас. И смотри саму ветку: где она отходит, где выходит, что по краям, есть ли новые следы поверх вчерашних. Остальное непроверенное так и оставь со слов тех, кто там был.

— А если она выйдет не там, где я нарисовал?

— Тогда сотрёшь и нарисуешь, где она выходит. — Руднев свернул схему и подал ему. — И вот ещё что. Ты сейчас не наказан. Ты понял это?

Бельский моргнул.

— Не понял, товарищ лейтенант.

— Тогда запомни как есть. Ты отказался подписать то, чего не видел, и за это тебя послали посмотреть. Это не наказание. Это единственное, что тут можно сделать.

Он ушёл. Гуцин попробовал топорище на излом, остался недоволен и стал строгать дальше.

— Хороший у вас чертёжник, — сказал он.

— Хороший.

— Другой бы подписал и не чесался.

— Другой бы подписал, — согласился Руднев, — а потом по этой бумаге кто-нибудь поехал бы и въехал в болото.

Гуцин подул на срез, сдувая стружку.

— Вы за хуторскими когда пойдёте?

— Когда будет пауза.

— Паузы нет, — сказал старшина. — Со вчерашнего полудня идёт и идёт. Я ночью считал, пока доски менял: тише — да, реже — да, а чтобы пусто, чтобы совсем пусто, — не было ни разу.

— Знаю.

— Я не в укор. Я к тому, что она вас ждать будет по вашему слову, а не по обстановке. Ей обстановки не видно, у неё двор.

— Знаю, Гущин.

— Ну и всё, — сказал он и опять взялся за нож.

Руднев долго просидел на сходе с бумагой. Пока он заканчивал донесение, Гущин обошёл западный подход, после проходов останавливаясь у левого края, и вернулся к сходу.

Донесение он в конце концов написал коротко и без единого слова «проверено». Слово это лезло само, и каждый раз он его вычёркивал и ставил вместо него, кто и когда. Вышло длиннее и хуже на вид, а на слух — точнее.

По настилу за это время прошло немного. Он считал не машины, а остановки перед горлом и заметил одну повторявшуюся причину: западный наблюдатель медлил, потому что столб заслонял ему руку среднего на бугре.

— Гущин.

— Ну.

— Западный среднего не видит. Столб мешает.

— Значит, западный пост переставить.

— Куда?

— На край площадки. Оттуда должны быть видны и бугор, и пост у ветки. — Старшина не поднял головы. — Вы это сами видели или он вам жаловался?

— Сам видел. Он не жаловался.

— Тогда переставьте до следующего прохода.

Руднев переставил именно западного. До следующего прохода он велел среднему поднять одну руку, а наблюдателю ветки — сложить обе крестом. С нового места западный различил оба знака и по кресту встал в горло. Только после этой проверки посты вернулись к движению.

Бельский вернулся до полудня, весь в репьях по левому боку, и сразу сел к доске, не докладывая. Он стёр последний участок линии ветки, провёл его ниже прежнего, сдвинул пунктир и уже потом сказал:

— Ветка идёт не так, как я нарисовал. Выход тот же, но к нему она подходит ниже, ближе к воде, и последний участок идёт по чистому. Тогда я прошёл следом и не сверял линию; сейчас прошёл с бумагой.

— Следы?

— Свежих поверх старых нет. Старые есть, вчерашние наши. Других уверенно не назову: следы перемешаны.

— Так и пиши: других не установлено.

— Написал уже.

Он подписал схему внизу и написал длиннее, чем требо-

валось: составил такой-то, седьмого июля; участок от развилки до горла и ветка пройдены лично; дворовая дорога и жердяной участок нанесены со слов Гущина, крайние вехи — со слов Жука, лично Бельским не проверены.

— Длинно, — сказал Руднев.

— Зато не соврал.

* * *

В полдень Бельский по приказу Руднева отвёл под тетрадь проходов чистую часть той же тетради, где шли записи с пятого числа.

— Смотри сюда, — сказал Руднев, пока Бельский разлиновывал первый разворот карандашом по ребру схемы. — Четыре поля. Больше не будет, меньше нельзя.

— Диктуйте.

— Первое: участок. Не «переправа», не «объект», а место, которое можно ногами обойти за раз. Западный подход — участок. Левый бок съезда — участок. Настил — участок. Ветка — участок.

— Второе?

— Кто проверял. Имя. Не «взвод», не «сапёры», не «проверено». Человек.

— Третье — время?

— Время. Когда смотрел, а не когда записал. Разница бывает значительной.

— А четвёртое?

— Ограничение. Что нельзя делать на этом участке, пока

не сказано иначе, и кто это «иначе» скажет.

Бельский расчертил и переписал заголовки печатными, ровно, и потом провёл линию сверху вниз, отделив последнее поле от остальных.

— Почему отделил? — спросил Руднев.

— Потому что первые три — про то, что было. Их не переправишь. А ограничение — про то, что сейчас. Его снимут, и надо будет видеть, где кончилось.

— Снятое не стирать.

— Я и не собирался стирать. Я думал вести черту поперёк и рядом писать, кто снял и когда.

— Веди.

Гущин, не вставая, сказал в сторону:

— Ты одно учти, писарь. Ограничение читать будет не лейтенант и не я. Его будет читать тот, кто в кабине сидит и у кого сзади ещё люди сигналият. Напишешь мудрёно — он не дочитает.

— Как надо?

— Так, чтоб хватило одного глаза. «По одному». «Слева не ехать». Вот и всё. А почему слева не ехать — это ты в тетради пиши, для нас.

— Товарищ лейтенант, — сказал он, не поднимая головы.
— А эта тетрадь, она потом чья будет?

— Наша.

— Я не про это. — Он всё-таки поднял голову. — Она виноватой станет? Вот случится что-нибудь, придут и возьмут

тетрадь. И там будет написано: смотрел такой-то. И спросят с такого-то. А если бы не было тетради, то и спросить было бы не с кого.

Гущин перестал строгать.

Руднев сел на сход рядом и некоторое время смотрел на восточную дорогу, по которой продолжали идти машины.

— Спросить всегда есть с кого, — сказал он. — С меня. Тетрадь этого не меняет.

— А с меня?

— И с тебя. Ты хочешь, чтобы с тебя не спрашивали?

Бельский не ответил сразу.

— Хочу, — сказал он. — Но не так, чтобы вместо меня не спросили ни с кого.

— Вот это и есть цена. — Руднев показал подбородком на настил. — Смотри. Позавчера мы поставили вежу и написали бирку. Кто её ставил, шофёр не знает. Он читает и думает: значит, кто-то смотрел. И едет. Он верит не веже, он верит тому, что за вежей стоит человек. А человека нет. Есть «проверено». И если вежа соврала, то соврала не она, а никто.

— Никто, — повторил Бельский.

— Никто ошибок не делает и ни за что не отвечает. И следующий, кто придёт сюда после нас, спросит: кто это смотрел? И ему ответят: проверено. И он поедет туда, где никто не был.

— Тогда я пишу свою фамилию.

— Ты пишешь свою фамилию там, где ты был. Где ты не

был — не пишешь. Это второе, и это твоё право, а не моя милость. Если я тебе прикажу подписать непроверенное — не подписывай, а скажи мне это в лицо, и я отменю.

— А если вы не отмените?

— Тогда подпишу я один и напишу, что ты отказался, и почему. — Руднев взял карандаш. — Пиши первую.

— Гуцин, время осмотра?

— Перед полуднем. Ограничение прежнее.

Бельский поставил номер и записал под диктовку, вписывая по одному полю:

Участок — западный подход, левый бок съезда. Проверял — старшина Гуцин, седьмого июля, перед полуднем. Ограничение — гружёное на левый бок не пускать, на подходе и настиле по одному, встречно не заводить. Снимает ограничение — старшина Гуцин, лично, словом «годен».

— Всё? — спросил Бельский.

— Не всё. Ты подпишешь, что записал слова Гуцина. Я — что ввёл ограничение.

Руднев расписался за решение, Бельский — за запись; подпись у Бельского вышла крупнее и старательнее, чем нужно.

— Криво, — сказал он.

— Не переписывай.

* * *

Тарасов приехал в начале второго и оставил машину у схода.

Он выслушал стоя, не садясь на сход; лицо у него было помятым.

— Читай, что записал, — сказал он.

Руднев прочёл все три записи: устную поправку и её происхождение, затем новый адрес и в конце — ответ, что поправка оставлена сообщением, а прежний режим сохранён.

— Ещё раз, кто передал устное.

— Старший на пункте. Ему сказал человек, который не назвался.

— Мне это неизвестно, — сказал Тарасов. — Ни от кого не слышал. Никому такого не передавал.

— Значит, не выполнять?

— Значит, это не приказ. — Он потёр глаз ладонью. — Ты его записал — и правильно сделал. Отменять не отменяю, потому что отменяют своё, а это не моё. Твой режим на переправе остаётся, как ты его установил.

— А адрес?

Тарасов взял форму, посмотрел на верхнюю строку и вернул.

— Пиши по обоим, — сказал он. — Один экземпляр по старому, один по этому. И на обоих сверху пометь, что послал двумя адресами и почему.

— Товарищ капитан, скажите прямо: кому я подчинён?

— Прямо: задача у тебя дивизионная, сто семьдесят второй, через наш батальон, двести семьдесят пятый. Это я тебе подтверждаю и за это отвечаю. — Он выдержал паузу. —

Что выше и как оно сейчас перекладывается — не скажу. Не потому, что тебе нельзя. Потому, что я сам не знаю, а придумывать тебе цепочку не буду. Тебе жить по ней, не мне.

— Понял.

— Не понял, но запомнил. — Тарасов посмотрел на настил, по которому в этот момент шли по одному, с остановкой перед горлом. — Медленно у тебя.

— Медленно. Зато никто не сел.

— Сколько за сутки прошло?

— Считаем не машины, а простои, — сказал Руднев. — Машин я вам точно не назову, а задержки с утра были на западном входе и по одной причине. Западный пост переставил, обе сигнальные связи проверил; следующие проходы покажут.

Тарасов покосился на него.

— Ты и это записываешь?

— Я это записываю с сегодняшнего дня.

— Долго так не дадут.

— Знаю. Гушин обещал сказать, когда подход будет годен.

— Обещал — пусть скажет.

Гушин подошёл сам, не дожидаясь, пока позовут, и стал не рядом, а чуть в стороне, как становится человек, который сейчас скажет неприятное при старшем.

— Не скажу, товарищ капитан.

— Почему?

— Потому что мне нечем проверить. — Он развёл рука-

ми, показав ладони, будто в них должно было что-то лежать. — Я условился с товарищем лейтенантом: пушу по подходу гружёную и посмотрю, как земля под ней работает. Порожня не считается. Пеший не считается. Мне нужна одна настоящая гружёная, которая пойдёт по моей команде. Тогда грунт сам покажет, держит или нет.

— Так вон их сколько, — сказал Тарасов.

— Их много, и они все чужие. Каждая идёт по своему делу и каждой некогда. Мне нужна такая, которая встанет, где я скажу, и пойдёт, когда я скажу, и повторит, если я не разгляжу с первого раза.

Тарасов помолчал.

— У меня свободной машины нет, — сказал он. — Своих я тебе не дам, они в работе.

— Я и не прошу вашу.

— Значит, ищи, лейтенант. — Он пошёл к машине и уже от неё договорил: — Только не хватай за руль первого попавшегося. Он тебе не подчинён, а ты ему на дороге не власть. Договаривайся.

Он уехал. Бельский закрыл тетрадь и сунул карандаш за обмотку сумки.

Со стороны настила подошёл гружёный — тяжело, с полным кузовом, укрытым и увязанным, — прошёл горло по правой, взял восточный сход и покати́л дальше в поле, не сбавляя. Гушин проводил его глазами до самого поворота.

— Вот такая, — сказал он.

Глава 5. Контрольная машина

Она пришла раньше, чем они были готовы.

В начале седьмого Гушин ещё только выбирал себе место — ходил вдоль берега, приседал, вставал и искал, откуда будет видно и опоры, и низ настила, оставаясь в стороне от пути машины. Жук лежал на боку у левой кромки съезда, положив подбородок на кулак, и глядел вдоль земли, как глядят вдоль доски, проверяя, не повело ли её. Бельский расчерчивал новую страницу и переписал заголовок, потому что первый вышел криво.

До готовности оставалась работа.

В шесть двадцать из-за поворота вышла гружёная.

Руднев увидел её раньше, чем услышал: из-за кустов показалась кабина, за ней — укрытый и увязанный крест-накрест кузов. Машина была гружёной и на неровностях приседала на задней оси.

— Западный! — крикнул Руднев. — Стой её. Не рукой. Телом.

Наблюдатель вышел на середину горла и стал.

Машина встала перед наблюдателем, коротко присев на передние. Шофёр высунулся из кабины по пояс.

— Убери человека.

— Не убери, — сказал Руднев, подходя. — Глуши.

— Я не глушу, я иду.

— Ты сейчас не идёшь. Ты стоишь.

Шофёр всё-таки не заглушил. Он вылез, оставив дверь открытой, выпрямился и посмотрел на Руднева, потом на перекрытое горло.

— Товарищ лейтенант. Меня на той стороне ждут сейчас, и ждут не завтра.

— Верю.

— Так пропусти.

— Пропущу, — сказал Руднев. — Через час.

Шофёр посмотрел на него, потом на переправу, потом опять на него и сжал челюсть.

— За час меня в другом месте похоронят, — сказал он.

— Если ты сядешь у меня на левом боку, тебя тоже похоронят, и уже без разговоров, потому что вынимать тебя будем мы, а вынимать тут нечем и некем.

— Я не сяду.

— Ты сядешь, — сказал Руднев спокойно. — Не потому, что ты плохой шофёр. Потому что тебе навстречу выйдет подвода, ты возьмёшь влево, а слева у нас уже прорезано.

— Так уберите подводу.

— Вот я её и убираю. — Он повернулся. — Западный! Всё, что подходит с запада, — за поворот и стоять. Восточный: с той стороны на настил не пускать никого, ни порожних, ни пешех. Всё встало, пока не пройдёт этот.

Со стороны поворота уже подтягивались: сначала подвода, потом ещё одна машина, потом кто-то пеший с мешком.

Люди начали слезать и подходить, и стало слышно, как позади, за кустами, кто-то заглушил мотор и сразу же завёл обратно.

Шофёр слушал всё это и мрачнел.

— Из-за меня встали.

— Из-за меня, — сказал Руднев.

— Мне бумага нужна.

— Какая?

— Такая. — Шофёр показал ребром ладони на кузов, потом себе на грудь. — Я приеду, а мне скажут: где был. Я скажу: стоял на переправе. Меня спросят: по чьему приказанию. Я скажу: там лейтенант стоял. Мне скажут: лейтенантов много.

— Правильно скажут.

Руднев обернулся и позвал:

— Бельский. С тетрадью и с чистым.

Бельский прибежал. Руднев положил на капот чистый лист, взял карандаш и написал сам, не диктуя: восьмого июля, задержан на переправе Каменка с шести двадцати; задержка по моему распоряжению для проверки подхода; движение встречное остановлено мной же. Потом поставил фамилию, звание, должность и расписался.

— Время выхода я тебе допишу, когда пойдёшь, — сказал он. — Чтобы не соврать в свою пользу.

Шофёр взял листок и прочёл его внимательно, шевеля губами на фамилии.

— Руднев, — сказал он.

— Руднев.

— Ладно. — Он сложил бумагу вчетверо и сунул под гимнастёрку. — Час так час. Только вы, товарищ лейтенант, учтите: если у вас там сломается и я встану на всю ночь, я эту бумажку не выкину.

— И не выкидывай.

Очередь за поворотом росла медленно и оттого особенно неприятно: не толпой, а по одному, и каждый новый, подходя, сначала спрашивал у предыдущего, потом шёл смотреть сам.

До горла дошли возчик и старший на машине; говорил старший.

— Товарищ лейтенант, вы кого пропускаете?

— Одного.

— А почему его?

— Потому что он первый подошёл к закрытому, — сказал Руднев. — И потому что я на нём смотрю дорогу. После него будет видно, как пускать остальных.

— А если не будет видно?

— Тогда я вам это скажу, и вы будете стоять дальше, и я вам объясню почему.

Старший постоял, поглядел на левый бок съезда, на две вехи с карандашными чертами для бечевы, на человека, лежащего у кромки.

— Он что там делает?

— Смотрит землю.

— Лёжа?

— Лёжа видно вдоль, — сказал Руднев. — Стоя видно сверху. Сверху эта земля выглядит хорошо.

Старший ушёл к своим и, судя по тому, что оттуда больше никто не приходил, что-то им сказал.

Гущин, проходя мимо с мотком, задержался.

— Хуторские не приходили?

— Нет.

— Придут.

— Придут, — сказал Руднев. — Придут — сам с ними говорить буду. Не посылай ко мне через людей.

* * *

Ожидание ушло не на разговоры.

— Слушать по одному, — сказал Руднев. — Контрольных наблюдателей четверо. Посты движения в это число не входят. Гущин.

— Я сбоку у настила, на твёрдом берегу. — Старшина показал выбранное место. — Отсюда вижу дерево и грунт под опорой. За дорогу не отвечаю, за подход не отвечаю, на кабину не гляжу. Если замечу перемену — отхожу от края и говорю человеку на берегу.

— Береговой повторяет твой сигнал.

— И скажите ему одно слово.

— Слово будет «стой», — сказал Руднев. — Кричит он, ты говоришь ему.

— Годится.

— Дальше. Я иду рядом, по обочине.

Гущин повернулся к нему от выбранного места.

— В кабину не садитесь.

— Не собирался.

— Собирались, — сказал старшина. — У вас на лице было написано. Не садитесь. Из кабины вы увидите то же, что шофёр, а он и так смотрит. Идите вне колеи и глядите под заднее.

— Я и говорю: иду рядом.

— Ну и хорошо, что мы с вами про одно.

— Жук.

— Я на левой кромке. — Жук не встал с земли, только приподнялся на локте. — Лежу вот тут, у самого края, и смотрю не на колесо, а на землю сбоку от колеса. Если земля перед ним пойдёт волной, увижу по кромке.

— Что значит «волной»?

— Значит, поверхность перед колесом подыметесь и потом сядет. Кто первый раз видит — думает, показалось.

— Если увидишь?

— Крикну «правее». Если не возьмёт — пост крикнет «стой».

Руднев посмотрел от места Жука к западному посту: оба видели друг друга.

— Принято. Кричишь «правее». Западный дублирует, а если машина не исправила ход — останавливает.

— Товарищ лейтенант, — сказал Бельский. — А я?

— Ты на восточном сходе, с тетрадью и с часами. Пишешь время: когда пошёл, когда середина, когда сошёл. И всё, что услышишь, — кто что крикнул и в каком порядке.

— А если я не услышу?

— Значит, напишешь, что не услышал. — Руднев посмотрел на него. — Не додумывай. Хуже нет, чем ровная запись про то, чего не было.

— Понял.

— Дальше. Ветка.

— Я, — сказал назначенный к ветке наблюдатель.

— Ты стоишь сбоку и смотришь только на ветку. Пока идёт машина, на неё все будут глядеть, а ты не гляди. Тебе на неё смотреть нечего, она без тебя пройдёт.

Контрольные роли не пересекались: Гушин смотрел сооружение, Жук — левую кромку, Бельский — время и команды, наблюдатель ветки — только ветку. Западный, средний и восточный посты регулировали движение и повторяли команды, но не подменяли их доклады.

Руднев прошёл весь путь сам, от места, где стояла гружёная, до восточного схода, и прошёл по обочине правой полосы — вне траектории колёс. У горла он проверил обе ве-хи, натянул бечеву по карандашным чертам, увидел узел над прежней кромкой и снял бечеву до прохода.

— Западный. Видишь обе ве-хи и прежнюю границу между ними?

— Вижу.

— Это не для шофёра. Это для тебя. Как заднее колесо пройдёт между вехами — ты перестаёшь смотреть на кабину и смотришь только на кромку.

Шофёр стоял у своей машины и слушал. Когда Руднев обошёл всех и вернулся, тот сказал:

— У вас так всегда?

— Так подробно — впервые.

— А раньше?

— Гружёные проводили, — сказал Руднев. — Но заранее назначенной контрольной проводки, где Гушин, Жук, Бельский и наблюдатель ветки отвечают каждый за своё, а результат входит в новый раздел тетради, ещё не было. Сейчас проводим её.

Шофёр хмыкнул, но не зло, и полез в кабину.

* * *

— Западный!

Рука пошла вверх.

— Пошёл!

Машина взяла с места ровно, без рывка.

Она пошла по правой. Правая была в ямах, машину трясло, в кузове под увязкой что-то поехало и стукнуло. Руднев шёл по обочине, вне траектории колёс, и смотрел не на кабину, а под заднее колесо.

— Держи правее! — крикнул западный.

— Правее! — повторил средний с бугра.

Перед горлом машину повело влево, туда, где было положено: колея на правой шла выше, и кузов накренился.

— Правее! — крикнул Жук с земли.

— Правее! — крикнул западный.

Шофёр довернул правее. Заднее колесо прошло внутри прежней границы между вехами, но рядом с ним, у левой кромки, земля пошла вверх коротким тёмным горбом и стала оседать.

Колесо пошло дальше по правой, а горб остался.

— Прошла кромку! — крикнул Жук.

Машина втянулась в горло и стала на настил. Доски отвечали под колёсами неровно; Руднев смотрел на их движение, не пытаясь по одному звуку решить, что происходит внизу.

Гущин на своей боковой позиции не отступил и сигнала не дал.

Человек на берегу смотрел на него и не кричал.

— Середина! — крикнул Бельский с восточного схода.

За серединой машина дошла до восточного схода, сошла с участка и остановилась. Только тогда стало слышно, что мотор всё это время работал ровно.

— Сошёл! — крикнул Бельский.

Бельский записал время сразу, не подходя, и только потом побежал смотреть.

Гущин отошёл от настила и подошёл к Рудневу.

— Ну? — спросил Руднев.

— Работало вместе, — сказал старшина. — Под извест-

ной опорой грунт с виду не изменился, старая починка рядом тоже. По дереву эта машина прошла.

* * *

Осматривали по своим участкам.

Гущин снова прошёл вдоль настила с безопасной боковой стороны и задержался у известных мест. Бельский сел на сходе дописывать. Жук не пошёл никуда: он остался лежать там же, где лежал, и подтянулся на локтях ближе к кромке.

Руднев подошёл к нему первым.

— Говори.

— Идите сюда и глядите отсюда, — сказал Жук. — Сверху не увидите.

Руднев лёг рядом.

По слову Жука Бельский снова натянул бечеву по чертам на двух вежах; узел показал прежнюю границу. Рядом с ней стоял тот самый тёмный горб, выдавленный вперёд и вбок, и он не осел до конца. За горбом шёл след, в нём уже собралась вода.

— Вон, — сказал Жук. — До прохода поверхность была целой. Теперь след нарушен, и в нём вода.

— Оно осядет?

— Не знаю. Может осесть, может остаться. — Он помолчал. — Товарищ лейтенант, вы меня не про то спрашиваете.

— А про что надо?

— Надо спросить: что будет, если вторая пойдёт по этому же месту сейчас.

— И что будет?

— Не знаю точно. — Жук приподнялся на локте. — Знаю, что первая шла по целой поверхности. Теперь поверхность нарушена, в следу вода. Вторая пойдёт уже по изменившейся полосе.

Руднев смотрел на воду, набравшуюся в след.

— Значит, машина прошла, а дорога стала хуже.

— Дорога стала хуже в одном месте, — поправил Жук. — Про всю не скажу. Я одну кромку смотрел.

— Бельский!

Бельский пришёл с тетрадью.

— Пиши. Проход состоялся, восьмого июля. Времена у тебя есть. Теперь добавь новое ограничение к прежнему, с этой минуты.

— Диктуйте.

— Участок — левая кромка западного подхода. Проверял — красноармеец Жук, сразу после прохода. Прежний режим остаётся: на участке одна машина, встречно и следом следующую не заводить. Новое ограничение — второй гружёной по следу первой не идти. Между гружёными — остановка на осмотр кромки. Пока не осмотрели, следующую не заводить.

Бельский писал и на середине остановился.

— Товарищ лейтенант, а сколько стоять?

— Пиши: пока Жук или тот, кого он назовёт, не сойдёт с кромки и не скажет.

— Это же не время.

— Это лучше времени. Время каждый прочтёт по-своему, а человек, сошедший с кромки, — это человек, сошедший с кромки.

— А снимает кто?

— Снимаю я после доклада Жука или того, кого он назначит.

Бельский дописал и провёл черту под записью, оставив место справа — для того, кто снимет.

Гущин закончил повторный осмотр со стороны и подошёл не сразу: сначала ещё раз оглянулся на известные места.

— По дереву докладываю, — сказал он. — Известный подмыв под опорой без видимой перемены. Старая починка рядом — тоже. Нового после этой машины не установил.

— Значит, держит.

— Значит, эта прошла, — сказал Гущин. — Я вам про одну машину сказал, а вы слышали про мост. Так не пойдёт, товарищ лейтенант. Я скажу про мост, когда их пройдёт много и я после каждой слазаю. Сегодня их будет сколько?

— Сколько поставят.

— Тогда кромку после каждой гружёной смотрит Жук или тот, кого он назовёт. Я сооружение осматриваю, когда вижу перемену или когда вы распоряжаетесь. После каждой машины делать полный осмотр не смогу: толку с меня не будет никакого.

— Кромка — после каждой гружёной. Сооружение — при видимой перемене и по моему распоряжению, — согласился

Руднев. — И это тоже в тетрадь.

Бельский, не поднимая головы, дописал строку.

— Товарищ лейтенант, времена читать?

— Читай.

— Пошёл — восемь тридцать четыре. Середина — восемь тридцать семь. Сошёл — восемь сорок. — Он поднял глаза. — На проход шесть минут. Общая задержка до выхода — два часа двадцать.

— Запиши и это.

— Это же не про дорогу.

— Это про то, чем мы за дорогу платим, — сказал Руднев.

— Пиши в конце, отдельной строкой.

Гущин вытер руки.

— Ну и что мы теперь? — спросил он. — Прошли или не прошли?

— Прошли, — сказал Руднев.

— Прошли, — согласился старшина. — И стали ходить медленнее, чем ходили до того, как прошли.

— Стали.

— Вы это в бумагу вставьте. А то напишете «проход обеспечен», и вам за это спасибо скажут, а потом пришлют ещё.

Шофёр в это время всё ещё стоял у своей машины на восточной стороне — не уезжал, ждал, пока ему допишут время. Руднев подошёл, взял у него листок, положил на крыло и вписал: вышел в восемь сорок.

— Два часа двадцать, — сказал шофёр, посмотрев.

— Два часа двадцать.

— Долго.

— Долго, — согласился Руднев. — Другого у меня нет.

Шофёр сложил бумагу и не убрал сразу, а подержал в руке.

— Я не в претензии, товарищ лейтенант, — сказал он неожиданно. — Я в претензии, когда стоишь и никто не знает, зачем. А когда знают — это уже не стояние, это работа. — Он полез в кабину. — Только вы это своё «через час» другому не говорите. Скажите, что срока пока не знаете. Меньше врать будете.

Он уехал, и Руднев некоторое время смотрел ему вслед, потому что смотреть вслед было легче, чем оборачиваться к очереди.

Руднев вернулся к западному входу и снял остановку. Из-за поворота потянулись подводы, машина, пешие. Всё это надо было теперь пропускать по одному, с осмотром кромки между гружёными, и очередь за поворотом стояла уже такая, что хвоста её от горла было не видно.

От восточного схода бегом шёл человек — не свой, чужой, в накинутаой поверх гимнастёрки телогрейке не по росту.

— Переправа кто? — спросил он, не отдышавшись.

— Я.

— С санитарного. Просят: наши машины вне очереди. Со всем вне. Не в общую.

Руднев посмотрел на очередь за поворотом, потом на ле-

вую кромку, где всё ещё лежал не осевший тёмный горб, и на Жука, который на этот горб смотрел и с земли не вставал.

— Кто просит?

— Начальник пункта.

— Начальник пункта — это кто? Фамилия есть?

— Есть, только я вам её лучше не повторю — боюсь исказить. — Человек переступил. — Вы приходите, вам скажут.

— Что значит «совсем вне»? — спросил Руднев. — Вне подвод — понимаю. Вне гружёных — понимаю. А вне осмотра?

— Не знаю. Мне сказали: вне очереди.

— Ты сам-то видел, какая у меня очередь?

Человек обернулся на поворот, за которым стояли и откуда доносилось, как кто-то снова заводит мотор, чтобы не заглох.

— Видел, — сказал он. — Я мимо шёл.

Жук поднялся с земли и отряхнул грудь и живот.

— Товарищ лейтенант.

— Слышу.

— Если их вне очереди, то они пойдут когда придут. А когда придут, я не знаю. И кромку я между ними осмотреть не успею.

— Знаю.

— Я не спорю. Я говорю, чего не смогу.

— Записано будет и это, — сказал Руднев и повернулся к посыльному. — Веди к своему начальнику. Пешком дойдём?

— Дойдём.

— Гушин, до моего возвращения на переправе ты. Пропускать по записи, гружёных — с осмотром. Ни одной без осмотра, пока я не приду и не скажу сам.

— А если санитарная придёт раньше вас?

Руднев остановился уже на ходу.

— Пропусти вне общей очереди, — сказал он. — Но сначала осмотр кромки по тому же правилу. И запиши внеочередной проход и по чьему распоряжению.

— По вашему?

— По моему.

Он пошёл за посыльным на восток, мимо очереди, и очередь провожала его глазами, и никто ничего не сказал.

За поворотом, там, где просёлок опять становился просёлком, Руднев оглянулся. Отсюда переправа была не видна — её закрывали кусты, — и виден был только столб пыли над горлом, стоявший ровно и никуда не двигавшийся.

Глава 6. Не две машины

Корнева пришла сама, к шести, пешком и не стала подходить к горлу, пока там шли.

Она остановилась у западного поста, дождалась, пока пройдёт подвода, и только потом двинулась через съезд, и прошла его по правой, хотя ей никто ничего не говорил.

— Военфельдшер Корнева, — сказала она. — С пункта. Вы утром были, вас не дождались.

— Лейтенант Руднев. Меня не дождались, потому что я вернулся сюда.

— Я знаю. Мне сказали.

Она не назвала себя начальником пункта: пришла от него и говорила от своего имени о том, что видела сама.

— Садитесь, — сказал Руднев и показал на бревно.

— Я постою. Сяду — не встану.

Он не стал настаивать. Достал форму, которую надо было заполнить и отослать, и положил её на доску.

— Мне нужно вот это заполнить, — сказал он. — Тут есть графа. Я вам её прочту, а вы мне скажете, что в неё писать.

— Читайте.

— «Санитарный груз, количество мест».

Корнева не ответила сразу. Она смотрела на бумагу, потом подняла глаза; движения у неё были усталые, голос — ровный.

— У меня не места, — сказала она.

— Я понимаю.

— Нет, товарищ лейтенант, вы не понимаете, и это не в укор. — Она говорила очень ровно и очень вежливо, и от этой вежливости было хуже, чем было бы от резкости. — Вы понимаете, что я сейчас на это обижусь. А я не обижусь. Мне надо, чтобы вы поняли другое: если я напишу «мест», то дальше по этой бумаге всё поедет неправильно.

— Почему?

— Потому что места считают, а людей выводят. Место может подождать. Место можно переставить, снять, поставить обратно.

— Мне нужно число, — сказал Руднев. — Не для бумаги. Для работы.

— Какой работы?

Он повернулся и показал рукой вдоль съезда — туда, где на левом боку всё ещё лежал тёмный горб, а две вехи с карандашными чертами хранили положение бечевы над прежней кромкой.

— У меня после каждой гружёной кромку осматривает назначенный человек, — сказал он. — Пока он не сойдёт и не доложит, следующую я не завожу. Если ваши идут вне общей очереди, они всё равно ждут конца текущего прохода и осмотра. Мне надо знать, кто может ждать, а кто должен идти первым после этого.

— Я вам этого не скажу.

— Совсем?

— Совсем и никогда, — сказала Корнева. — Я не знаю, сколько их будет позже. Это не оттого, что я плохо работаю.

— Ясно.

— Не ясно. — Она сделала полшага ближе. — Вы сейчас решите, что я упрямая, и станете придумывать за меня. Я вам скажу лучше. Хотите, я вам их назову?

— Назовите.

Перед ответом она коротко замялась.

— Бельский, — сказал Руднев, не оборачиваясь. — Тетрадь.

Бельский подошёл с единственной тетрадью и открыл её на чистой строке.

— Пишите, — сказала Корнева.

И стала называть.

Она называла фамилию за фамилией и после каждой коротко отделяла одно от другого: этот может ждать, этому нужен ближайший проход, этого без неё не перемещать, одному сейчас безопаснее стоять, другому — ехать. Она говорила только о том, что изменит ожидание и дорога.

Бельский писал, попросил повторить неразборчивую фамилию, и она повторила, не раздражаясь.

Руднев стоял и слушал; после нескольких фамилий прежняя строка машин и подвод перестала у него сходиться.

Он всё это время держал в голове очередь как строку: столько-то гружёных, столько-то порожних, столько-то под-

вод, санитарные — вне. Он расставлял их, как расставляют инструмент. И вдруг строка кончилась, а список продолжался, и в списке не было ни одной машины.

— Довольно, — сказал он.

Корнева замолчала.

— Я не про то, что довольно слушать, — сказал Руднев. — Я про то, что я вам всё равно не смогу провести всех сразу. Вы это понимаете?

— Понимаю.

— Тогда скажите одно. Не «сколько». Скажите: кто из них не может ждать столько, сколько стоит осмотр кромки.

Она посмотрела на список в тетради Бельского.

— Эти, — сказала она и показала нужные строки. — Сегодня эти. Потом будут другие.

— Вот это я записываю.

— И ещё одно, — сказала Корнева. — Раз уж вы записываете. Ждать — это не «стоять». Ждать по-разному стоит.

— Объясните.

— Пока машина едет, её трясёт. Пока стоит — не трясёт. Одному сейчас безопаснее ждать, чем ехать. Другому — наоборот. Это не правило на всех; про каждого я скажу отдельно.

— Как я это отличу?

— Никак, — сказала она. — Вы этого не отличите и не должны. Я отличу. Мне нужно только, чтобы вы, когда я скажу «этот пусть стоит», не считали, что я вам уступила оче-

редь по доброте.

— Не буду считать.

— Будете. — Она сказала это без нажима. — Все считают. Вы потом когда-нибудь захотите мне за это отплатить и пропустите не того. Вот тогда и вспомните.

Руднев поглядел на неё.

— Записывать это?

— Это нет, — сказала Корнева. — Это я так.

* * *

Площадку они искали до темна.

Первое место нашёл Гушин: ровное, у самой дороги, с открытым входом и видом на пост.

Гушин прошёл его целиком, потом вернулся и осмотрел край, где сохранились старые колёсные следы.

— Низкое, — сказал он.

— Оно ровное, — сказал Руднев.

— Оно ровное, потому что низкое. По краю старые колёсные следы глубже, чем у дороги, и твёрдость я здесь не подтвержу. Для площадки ожидания этого довольно, чтобы отказаться.

— Значит, отбраковываем? — спросил Руднев.

— Отбраковываем, — сказал Гушин без всякой обиды. — Сначала я увидел ровное. Потом посмотрел, на чём оно лежит.

Следующее место предложил Руднев — прямо за горлом, у самой дороги, где была утоптанная плешь.

— Тут твёрдо, — сказал он.

— Тут твёрдо, — согласился Гушин. — И слишком близко к рабочей полосе. Станет здесь машина, а гружёная при проходе возьмёт левее, потому что справа занято. Площадка не должна выталкивать движение на слабый край.

— Понял.

— Вы, товарищ лейтенант, ищите, где поставить. А искать надо, где не мешает.

Последнее место нашли западнее слабого подхода, за кустами: твёрдый пяточок, доступный с западной дороги до входа на рабочую полосу. Старый въезд зарос, но площадка не заставляла ожидающую машину занимать кромку.

— Расчистить? — спросил Гушин, потрогав ногой.

— Сколько?

— К ночи управимся, если дадите людей. Тут не строить: расчистить вход и убрать то, что мешает. Основание твёрдое.

— Бери свободных. С разгрузки.

— Опять с разгрузки, — сказал старшина, но пошёл.

До темноты вход расчистили. Когда стало труднее видеть край расчистки, Гушин остановил работу, вывел людей на дорогу и при оставшемся свете сам прошёл освобождённый путь; после его доклада Руднев разрешил заводить на площадку ожидающие машины.

Въезд получился узкий, но вёл к площадке до слабой полосы и не пересекал её.

— Плохой съезд, — сказал Гушин, оглядев.

— Плохой.

— Зато он не выводит ожидающих на слабую полосу. Тут хочешь не хочешь, а сначала остановишься.

Пока работали, Руднев с Корневой обошли пяточок по краю. Она шла молча, присела и потрогала землю ладонью.

— Твёрдо, — сказала она.

— Площадка западнее слабого подхода, — сказал он. — Это важно. Отсюда вы не видите, что делается на съезде, и это хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что если бы видели, то ждали бы глазами. А ждать глазами — самое тяжёлое.

Корнева промолчала.

— Дальше, — сказал Руднев. — Мне нужен от вас знак. Простой. Такой, чтобы западный пост прочёл его сразу и не спутал с тревогой на ветке.

— Что значит простой?

— Одно из двух. Не несколько движений и не крест. Крест уже закрывает горло со стороны ветки.

Она помолчала.

— У вас есть эти ваши колышки?

— Вехи. Есть.

— Тогда так, — сказала Корнева. — Одна стоит на въезде постоянно. Вторая лежит вдоль дороги — все ждут по общей очереди. Ставим её рядом с первой — у меня тот, кому нужен ближайший проход.

— Кто кладёт?

— Я. Или тот, кого я назову, и я вам его покажу в лицо.

— Не «санитары», — сказал Руднев. — Человек.

— Человек.

Гущин, проходя мимо с корневищем на плече, остановился.

— Товарищ лейтенант. Вторая стоит — а я как узнаю, что её поставил названный человек, а не кто-то прислонил?

Руднев открыл рот и закрыл.

— Хороший вопрос, — сказала Корнева.

— Он всегда такие задаёт, — сказал Руднев. — Гущин, придумай.

— А чего думать. — Старшина положил инструмент. — Вторая обычно лежит вдоль дороги. Когда её ставят рядом с первой, тот, кто поставил, остаётся у знака, пока западный пост не повторит, что увидел. Само это не случится, а без человека знак не принимаем.

— Две рядом, — повторила Корнева. — Это я запомню.

Руднев проверил знак сразу. Корнева положила вторую вежу вдоль дороги, потом поставила рядом с первой и осталась у них. Западный наблюдатель вслух назвал оба состояния. Затем веточный наблюдатель для проверки показал крест скрещённых рук; западный повторил и его, не спутав с двумя стоящими вежами.

— И вот ещё что, — сказал Руднев. — Я вам сейчас скажу неприятное, и скажу один раз, чтобы вы потом не думали,

что вас обманули. Две вежи рядом не значат «пройдёте сразу». Они значат: западный пост увидел вас и поставил первыми после текущего прохода и осмотра. Машину, которая уже вошла, я с середины не сниму.

— Сколько это?

— Контрольная машина прошла за шесть минут. Следующая может идти иначе; заранее срока не назову. Вы ждёте, пока она сойдёт и кромку осмотрят.

— Этот предел я принимаю, — сказала Корнева.

— И ещё. Если знак стоит, а кромка не осмотрена, я вас не пушу до доклада. Если нужна работа, движение закроют, людей выведут, результат проверят снова. Ваш знак меняет очередь, но не отменяет осмотр.

— Почему вы мне это говорите?

— Чтобы вы знали предел своего знака, — сказал Руднев.

— Не для того, чтобы вы реже его ставили. Ставьте, когда нужно. Просто знайте.

Корнева долго молчала, глядя на расчистку входа.

— Значит, мой знак меняет очередь, но не отменяет вашу проверку, — сказала она наконец. — Вы про эту вашу кромку говорите так, будто она у вас тоже лежащая.

* * *

Когда площадка была готова, по рабочей полосе прошла очередная гружёная. После её схода назначенный наблюдатель сравнил кромку с отметкой и показал Гущину свежую перемену у въезда. Западный пост закрыл горло, и только

тогда Гушин собрал свободных у бревна.

— Значит, слушайте, что у нас теперь, — сказал он. — Раньше как было: прошла гружёная — остановили вход, осмотрели кромку, пустили следующую. Теперь первой после осмотра может пойти санитарная, когда на площадке стоят две вехи. Остальное правило не меняется.

— И что?

— А то, что кромку по-прежнему осматриваем после каждой. Если она изменилась, движение закрываем и только тогда приводим полосу в рабочее состояние. Работа осмотр не заменяет.

— Как правим?

— Без машины над людьми, — сказал Гушин. — Западный пост закрывает горло, я назначаю группу, видимую полосу приводят в рабочее состояние. Потом все выходят, наблюдатель сравнивает кромку с отметкой и докладывает Рудневу. До его решения никто не входит.

— Так это ж каждый раз, — сказал кто-то.

— Осмотр — каждый раз. Работа — только если осмотр показал перемену.

— Тяжело.

— Тяжело, — согласился старшина. — Зато машина будет ждать, пока люди вышли и результат проверен. Лучше явная остановка, чем чтобы мы гадали.

— А ночью как? Не видать же.

— Ночью вслепую не работаем. — Гушин положил ладонь

на колено. — Если нельзя увидеть и проверить результат, доступ остаётся закрытым до тех пор, пока проверка станет возможна.

— Людей на это хватит?

— Смену назначу по работе, — сказал старшина. — Число людей и порядок смены не стану придумывать заранее. Сначала закроем доступ и увидим, что именно требуется.

Никто не спорил. Один спросил только:

— Товарищ старшина, а если машина подойдёт, пока люди на полосе?

— Западный пост удержит её перед горлом. Сначала люди выйдут, потом наблюдатель доложит, потом лейтенант решит. Сама она на закрытый участок не войдёт.

Он повернулся к Рудневу.

— Товарищ лейтенант, я вам её ровнее не сделаю. Я её сделаю одинаковой. Разница есть.

— Есть.

— Одинаковое состояние я смогу показать после проверки. А «ровно» вам тут никто не пообещает.

Гущин назвал людей из свободных: западный пост держал закрытие, рабочие входили на полосу только после его сигнала, а назначенный наблюдатель оставался снаружи до повторной проверки.

Бельский к этому времени уже разлиновал следующую страницу той же тетради и держал карандаш наготове.

— Диктуйте.

— Пиши. Участок — левая кромка западного подхода и въезд. После каждой гружёной осматривает назначенный наблюдатель и докладывает мне. Если нужна работа, Гущин организует её при закрытом доступе. Открываю движение я после повторной проверки. Время — с вечера восьмого июля.

— Ограничение?

— Ограничение такое. Санитарные идут вне общей очереди по знаку с площадки, но после текущего прохода и обязательного осмотра. Знак — две вехи рядом; вторая обычно лежит вдоль дороги. Ставит военфельдшер Корнева или названный ею человек и остаётся у знака, пока западный пост не подтвердит, что увидел.

Бельский дописал и остановился.

— Товарищ лейтенант, а источник?

— Что «источник»?

— Вы меня учили: у всякого сообщения назван источник. Приоритет откуда? Кто его установил?

Руднев подумал.

— Пиши так, — сказал он. — Просьба — от начальника санитарного пункта, передана через посыльного утром восьмого июля. Порядок установлен мной, лейтенантом Рудневым, вечером восьмого июля. Военфельдшер Корнева определяет срочность и отвечает за знак.

— Она согласна?

— Спроси.

Бельский повернулся к ней и спросил всерьёз, как спра-

шивают у того, чья подпись что-то значит:

— Товарищ военфельдшер, вы согласны отвечать за знак?

— Согласна.

— Тогда распишитесь.

Она расписалась. Почерк у неё был мелкий и быстрый, и Бельский, посмотрев, тут же обвёл фамилию печатными сверху, чтобы можно было прочесть.

— Так у меня фамилия дважды, — сказала Корнева.

— Так её прочтут, — сказал Бельский.

Корнева взяла тетрадь и просмотрела страницу целиком, сверху вниз, и остановилась на списке, который Бельский записал с её слов раньше.

— Это вы зачем оставили? — спросила она. — Они уже не все в том состоянии, как я говорила: кого-то увезли, у кого-то положение переменялось.

— Не стираем, — сказал Бельский. — Черту проведём и рядом напишем, что переменялось и когда вы сказали.

— Много бумаги выйдет.

— Тетрадь одна, — сказал он. — Пока место есть, ведём её и ничего не стираем.

Корнева вернула тетрадь и посмотрела на Руднева.

— У вас тут порядок, — сказала она; по интонации это не было похвалой.

— У нас тут не порядок, — сказал Руднев. — У нас тут одна тетрадь и восемнадцать человек.

Ещё при остававшемся свете Гушин закончил работу при

закрытом доступе. Люди вышли с полосы, назначенный наблюдатель снова сравнил кромку с отметкой и доложил Рудневу; только после этого западный пост открыл горло.

* * *

Корневу до площадки проводил назначенный сопровождающий, потому что дорога шла мимо горла и в темноте с неё легко было сойти влево.

Позднее с площадки прибежал человек и сказал, что до утра срочного знака не будет.

— Хорошо, — сказал Руднев.

— Она велела передать, что скажет заранее, если что переменится. Когда определит, кто пойдёт следующей колонной, пришлёт сказать до того, как они выедут.

— Передай: принято. И передай, что я буду ждать её слова, а не машин.

Человек убежал.

Но за западным поворотом движения не было.

Руднев заметил тишину, поднялся на бугор и постоял.

— Западный.

— Я.

— После какой проводки с той стороны никого?

Наблюдатель посмотрел в сторону Бельского с тетрадью.

— После последней, которая записана.

— Точное время знаешь?

— Нет, товарищ лейтенант. По записи установим только нижнюю границу. Сам я не считал.

— А телефонный пост?

— Телефонист докладывал: ответ с запада приходит с перебоями. Сейчас не отвечает.

Руднев спустился к телефонному посту у западного входа. В трубке поднялся шорох и оборвался; вызов остался без ответа. Потом он прошёл до поворота: просёлок лежал пустой на всю видимую длину. Пустая дорога не объясняла молчание канала.

Когда он вернулся к посту, в линии ненадолго появился неразборчивый треск и снова пропал. Канал ещё подавал признаки, но устойчивого ответа не было; причины Руднев не знал.

— Бельский.

— Я.

— Отдельной строкой. Из-за западного поворота движения нет после последней отмеченной проводки; точное начало не установлено, наблюдатель не считал.

— Записал.

— И вторую. Западный телефонный канал с вечера отвечает с перебоями; при нынешней проверке ответа нет, причина не установлена.

— А с той стороны нам кто вообще должен был отвечать? — спросил Бельский, дописывая.

— Отдельного сообщения никто не обещал, — сказал Руднев. — Но канал раньше давал связь, а теперь она срывается. Пишем только это, не причину.

Он взял у него тетрадь, посмотрел на страницу, где рядом стояли знак площадки и две новые записи о западном направлении, и вернул.

— Гущин! — крикнул он. — Ночью держите записанный режим и усильте западный пост. Состав назовёшь сам.

Гущин ответил не сразу.

— Усилю. А сколько ждём?

Руднев не ответил. С запада по-прежнему не шло ничего, и от этого дорога казалась шире, чем была днём.

Глава 7. Последний подтверждённый

Провод молчал с ночи. Телефонный пост стоял у западного входа, под плащ-палаткой, и человек при нём всю ночь делал одно и то же: снимал трубку, слушал, ставил обратно. К пяти утра движения стали медленнее, но порядок он не менял.— Пробовал? — спросил Руднев.— Всю смену. Пусто.— Не трещит?— И не трещит. Как в мешок. Руднев послушал сам. В трубке не было даже того шороха, который бывает, когда линия жива, но никого нет.— Проверку вдоль провода посылал?— Посылал перед рассветом. До развилки дошли, там провод целый, лежит как лежал. Дальше не пошли: вы не велели уходить за развилку.— Правильно не пошли. Он посидел на корточках у столба. Провод уходил на запад и пропадал в кустах. Продолжить поиск значило снять с участка людей на неизвестное время. Оставить всё как есть значило сидеть глухим.— Товарищ лейтенант, — сказал телефонист, — я всё прикидываю. Ночью, около полуночи, связь ещё была. Я тогда слушал и слышал, как кто-то далеко говорит не с нами. Слов не разобрал, но голос доходил.— А после?— А после нет.— В двенадцать или около двенадцати? Телефонист помолчал.— Около. Я на часы не смотрел, я на них ночью не смотрю, у меня их нет. Я по

сменам считаю.— Тогда так и скажешь, когда спросят: около полуночи, точно не установлено.— Так и скажу. В двадцать минут шестого с запада пришёл посыльный. Он пришёл не бегом. Шёл давно, но шаг держал ровный; у горла его остановил наблюдатель, и посыльный встал и ждал, пока подойдут.— К командиру на переправе.— Я командир. Посыльный выпрямился, но докладывал, глядя чуть мимо; голос держал ровный.— Приказано передать на Каменку: ускорить подготовку к закрытию дороги. Руднев не переспросил сразу. Он сказал:— Бельский! Бельский пришёл с тетрадью и встал сбоку, чтобы видеть лицо посыльного.— Теперь ещё раз, — сказал Руднев. — Не пересказывай. Скажи те слова, которые тебе сказали. Если не помнишь точно — говори, что не помнишь.— «Передай на Каменку: ускорить подготовку к закрытию дороги». — Посыльный помолчал. — Так.— Всё? — Всё.— Слова «немедленно» не было? — Не было.— Слова «сегодня» не было? — Не было. — Он помолчал. — Мне сказали ещё «бегом», но это мне, а не про дорогу. Бельский записал и, не поднимая головы, спросил:— «Ускорить подготовку к закрытию» или «ускорить закрытие»? — «Подготовку», — сказал посыльный. — Точно «подготовку». Потому и запомнил: чего её ускорять, она либо готова, либо нет.— Кто сказал? — Наш ротный писарь передал, а ему — старший на пункте.— Значит, ты получил это от писаря, а не от старшего.— От писаря.— Писарь был при том, как это говорил старший? Посыльный опять выдержал паузу, и это

Рудневу опять понравилось.— Не знаю, — сказал он. — Он мне так подал, будто получил слова напрямую. Но я утверждать не буду.— И не утверждай. Время когда?— Мне подали в половине четвёртого. Я шёл час пятьдесят: там в обход, по низу.— Почему кругом?— Провод оборван за развилкой, я обрыв с дороги видел. К месту не подходил, причины не знаю. По прямой не пошёл: путь у моста залило.— Провод где оборван, покажешь?— Покажу. Только не сейчас, товарищ лейтенант, мне назад и дальше идти.— Не задержу. — Руднев обернулся к Бельскому. — Записал?— Записал. — Бельский поднял тетрадь. — «Девятого июля, около пяти двадцати. Посыльный из роты передал устно: Передай на Каменку: ускорить подготовку к закрытию дороги. Слов немедленно и сегодня не было. Посыльный получил от ротного писаря около трёх тридцати; писарь — от старшего на пункте; получил ли писарь слова лично, посыльный не знает и не утверждает». — Ему прочли. Бельский прочёл вслух, медленно.— Так? — спросил Руднев.— Так, — сказал посыльный. — Только про лужу вы не записали.— Про лужу и не надо.— Ну как хотите. — Он переступил. — Мне идти?— Иди. И ещё одно. Тебя тут никто ни в чём не подозревает, и ты никакой ошибки не сделал. Если тебя после спросят, ты так и скажи: на Каменке записали слово в слово и переспрашивали. Посыльный посмотрел на него с некоторым удивлением и пошёл.* * * Уже через несколько минут это жило само. Выдали это не разговоры, а машина. Грузё-

ная подошла с запада, встала перед горлом, как положено, и, когда ей махнули, не тронулась. Шофёр вылез и пошёл смотреть настил своими ногами, чего до сих пор не делал никто.— Ты чего?— Говорят, вы его рвать собираетесь.— Кто говорит?— Да вон, — шофёр повёл подбородком в сторону поста, — сказали: сегодня рвут, кто не успел, тот опоздал.— Езжай, — сказал Руднев. — Мост открыт. До отдельной команды — открыт. Езжай по правой. Шофёр поехал, но поехал так, как ездят по льду. Следом с запада подошла подвода, и возчик, не доехав до горла, стал разворачиваться прямо на дороге, мешая всем.— Стой. Ты куда?— Назад.— Почему назад?— Так говорят, закрывают.— Кто тебе сказал?— На дороге сказали. — Возчик развёл руками. — Мне не с руки к вечеру тут остаться, товарищ лейтенант. Мне назад далеко.— Мост открыт. Поедешь? Возчик задержал взгляд на настиле, пустом горле и людях у кромки.— Поеду. Он поехал. Разворачивался он аккуратно, обстоятельно, будто давно собирался, и это движение осталось у Руднева перед глазами. Руднев прошёл к посту. Оттуда, снизу, от кромки, поднимались двое, и один из них говорил другому, не понижая голоса:— ...а раз ускорить, значит, всё уже решено, только команду дают. Он замолчал, увидев Руднева.— Продолжай, — сказал Руднев.— Я не то чтобы...— Продолжай. Я хочу услышать, как это звучит целиком. Тот молчал.— Тогда я скажу, — сказал Руднев. — Собирай всех, кто не на посту. Гущина позови. Жука позови. Пока собирались, Гущин ото-

звал его в сторону — за навес, чтобы не при людях. — Двое западный вход самовольно закрыли. — Что? — Перед горлом встали, — повторил старшина ровно. — Машину стали разворачивать. Я подошёл, спрашиваю: вы что делаете. Отвечают: «Товарищ старшина, всё равно ведь закрывать, так пусть заранее никто не зайдёт». — Ты им что? — Я им ничего. Я их с дороги снял, вернул на назначенную работу и проверил вход и посты. Машину провели по записанному режиму. — Точно открыто? — Открыто, товарищ лейтенант. Западный пост опять даёт только записанные сигналы. Проверил. Руднев некоторое время молчал. — Это самое плохое, что было сегодня, — сказал он. — Хуже машины? — Машину мы провели. А эти — мои. — Вы их не бейте словом при всех, — сказал Гушин. — Они не со зла. Они как раз старались. — Знаю, что старались. Потому и страшно. Собрались все, кого можно было снять; на постах остались те, кому уходить было нельзя. Он не стал становиться на бревно и не стал повышать голос. — Бельский, читай. Бельский прочёл запись целиком: и фразу, и то, через сколько рук она пришла, и то, чего в ней не было. — Ещё раз последнюю часть. — «Слов немедленно и сегодня не было». — Всё, — сказал Руднев. — Больше ничего не приходило. Ни бумаги, ни телефона, ни капитана. По словам посыльного, за развилкой есть обрыв; сами мы место не проверяли и причины не знаем. Он подождал. — Теперь про то, что дошло до меня: «раз ускорить, значит, всё решено». Это не глупость. Такая догадка возможна: могли

решить раньше нашего прихода. Мы этого не знаем и проверить сейчас не можем.— А что можем? — спросил кто-то.— Мы можем знать разницу между двумя вещами. Подготовка — не исполнение. Готовиться к закрытию и закрывать — это не одно и то же, и делает это не один и тот же человек. Нам сказали первое. Второго нам не говорили ни разу, с пятого числа. Гушин, стоявший с краю, сказал:— Товарищ лейтенант, вы им не то говорите.— Что не то?— Вы им говорите, чего нельзя думать. А надо сказать, чего нельзя делать. Думать они будут всё равно. Руднев помолчал секунду.— Скажи ты. Старшина вышел вперёд и заговорил так, как говорил на настиле, — не громко и в предметах.— Значит, слушайте. Первое: под настил никто не лезет. Если там потребуется проверка, доступ закроют, людей отведут, а кого и когда пустить, лейтенант назовёт вслух.— Ясно.— Второе. Если снаружи заметили чужое или незнакомое, неважно какое, — руками не трогать, с места не сдвигать, к себе не носить. Людей отвести, доступ закрыть, наблюдаемую границу отметить вехой и доложить мне. Не крикнуть через двор, а прийти и сказать.— А если оно...— Никаких «если», — сказал Гушин. — Ты не знаешь, что оно. Я тоже не знаю. Проверит назначенный подготовленный человек; до его доклада доступ остаётся закрытым.— Третье, — сказал Руднев. — Про то, что мы тут сегодня разбирали, за пределы участка — ни слова. Ни шофёру, ни возчику, ни хуторским, ни своим из роты. Не потому, что тайна. Потому, что оно по дороге рас-

тёт. Один сказал «ускорить» — второй добавил «сегодня» — третий развернул машину и повёз обратно то, что везли сюда.— А если спросят?— Отвечать: мост работает, идите по правой, спрашивайте командира. И всё.— Ещё одно, — сказал он и посмотрел не на кого-то одного, а поверх голов. — Сегодня утром двое самовольно закрыли западный вход и стали разворачивать машину. Не для баловства — они думали, что помогают. Фамилий я не называю, а вот дело называю: это было самовольное исполнение закрытия. Его никто не приказывал, а оно уже началось. Никто не пошевелился.— Попытку Гушин остановил, движение возобновили. С этого места никакая работа на объекте не начинается без того, чтобы её вслух не назвали мне или Гушину. Никакая. Даже если она хорошая и её всё равно надо делать.— Товарищ лейтенант, — сказал кто-то из задних, — а гвоздь подобрать можно? Смешок пошёл и сразу осел.— Гвоздь подбери, — сказал Руднев. — И скажи Гушину, где ты его взял. Он оглядел их. — И последнее. Тот, кто принёс, — не виноват. Он передал то, что ему дали, и передал точно, и на переспросы отвечал честно. Если я услышу, что кто-то из вас на него это валит, разговор будет другой. Разошлись молча. Гушин сразу поставил у спуска к опорам человека и вслух назвал ему границу доступа. Тем, кто оставался на остальных постах, Бельский и Гушин повторили ту же запись по очереди, при короткой смене, не оставляя ни одного поста пустым. Бельский читал границу приказа, Гушин называл те же запреты; каждый по-

стовой повторял услышанное своими словами. Так одну границу получили все восемнадцать. Жук, проходя, остановился.— Товарищ лейтенант.— Слушаю.— Я утром на кромке слышал, как двое говорили. Я тогда не понял, что это то самое, и не сказал вам.— Теперь сказал.— Теперь поздно.— Не поздно. — Руднев посмотрел на него. — В следующий раз говори сразу и говори мне, а не разбирайся сам, то это или не то. Разбираться буду я.* * *Бельского он отправил около пяти пятидесяти.— Пойдёшь в роту. Понесёшь два листа. На первом — то, что записано со слов посыльного, слово в слово, с источниками. На втором — что мы тут сделали и чего не делали.— А чего мы не делали?— Так и пиши: самовольную попытку закрыть западный вход Гушин остановил; работ на сооружении не начинали; движение возобновили; доступ к опорам ограничили около половины шестого. Пусть будет видно, что мы не начали сами.Бельский передал единственную тетрадь Рудневу, свернул два листа и убрал.— Что мне там спрашивать?— Три вещи, и не отступай, пока не ответят. Первое: кто именно передал «ускорить подготовку» и слышал ли он это лично или ему передали. Второе: есть ли на Каменку что-нибудь письменное, и если нет — так и скажи мне, что нет, я не рассержусь. Третье: кто придёт закрывать, если придут, и как я его узнаю.— А если мне скажут «не твоё дело»?— Тогда запиши, кто это сказал, и возвращайся. Это тоже ответ.— Понял.— И вот что ещё. Тебе идти почти два часа в один конец, и по дороге тебе будет

казаться, что ты знаешь, зачем идёшь. Не позволяй себе решать за них. Придёшь — спроси, как спрашивают, а не как человек, который уже всё понял.— Я так и не понял ничего, товарищ лейтенант.— Вот и хорошо.— И ещё. — Руднев помолчал. — Если тебе там скажут что-нибудь важное, а ты не будешь уверен, что расслышал, — переспроси и запиши при них. Пусть они видят, что ты пишешь. Тогда они будут говорить точнее. Бельский ушёл. До девяти держали записанный режим. Грузёные шли по одной. После каждой западный вход закрывали, назначенный наблюдатель осматривал кромку, а работу начинали только при отмеченной перемене, с выведенными людьми и повторной проверкой до решения Руднева. Две медицинские вехи рядом не ставили: вторая лежала вдоль дороги. С запада за утро прошло меньше, чем накануне; Бельский унёс два листа, а единственная тетрадь осталась на объекте, и Руднев внёс наблюдение сам. У спуска оставался поставленный Гушиным человек. Он пропускал только того, кого лейтенант назвал вслух, остальных останавливал и не уходил с места. Один раз к нему подошёл возчик и спросил, можно ли пройти низом, чтобы напоить.— Низом нельзя. Поите выше, за вехой.— Далеко.— Далеко, — согласился человек, и возчик пошёл за веху, потому что спорить было не с чем. С бугра цена малого порядка была перед Рудневым: у спуска стоял человек, у горла машины ждали доклада, а одну запись приходилось повторять каждому сменному. Зато ни один пост больше не принимал слух за

команду. Жук подошёл к нему у бугра и сел на корточки рядом, лицом в другую сторону.— Товарищ лейтенант, кроме я осмотрел.— Говори.— Горб вчерашний осел. Не весь, но осел. Вода из следа ушла, направления не видно.— Это хорошо?— Это никак, — сказал Жук. — Явного хода не покажу; есть только то, что вода ушла.— Тогда зачем говоришь?— Чтобы вы знали, что я осмотрел и направления не нашёл. — Он помолчал. — Вы же сами велели: где не знаю — говорить, что не знаю.— Велел.— Ну вот. — Жук поднялся. — Вернусь после следующей гружёной, в составе обязательного осмотра.* * *Провод ожил в девять сорок. Телефонист не крикнул — он поднял трубку и замахал Рудневу свободной рукой. Руднев взял. Слышно было плохо, с провалами, и голос Тарасова доходил кусками, как доходит голос через дверь.— Каменка?— Каменка. Руднев.— Слушай и не перебивай, у меня секунды. Переправа действует. Открыта. До отдельной команды.— Товарищ капитан, ко мне пришло устное: ускорить подготовку к закрытию.— Слышал. Подготовка — не исполнение. — Треск. — ...сам ничего не начинай. Понял?— Понял. Кто придёт закрывать?— Команду тебе передадут отдельно. До неё держи движение. Остального по этой связи не дам.— Записываю.— Повтори, что именно исполняешь.— Переправа действует до отдельной команды. Сам закрытие не начинаю.— Так и держи. Остальное... — И тут провод кончился. Не затрещал, не зашипел. Просто кончился, и в трубке опять стало как в мешке. Руднев подер-

жал её ещё немного, послушал пустоту и положил. Телефонист смотрел на него снизу вверх. Руднев ещё раз снял трубку, услышал пустоту и положил её.— Записал? — спросил он телефониста.— Я не писарь, товарищ лейтенант.— Теперь писарь. Бери карандаш и, пока не забыл, пиши: девятое июля, девять сорок, по проводу капитан Тарасов. «Переправа действует. Открыта. До отдельной команды. Подготовка — не исполнение. Сам ничего не начинай. Команду тебе передадут отдельно. До неё держи движение». Я повторил: «Переправа действует до отдельной команды. Сам закрытие не начинаю». Тарасов ответил: «Так и держи». Дальше связь оборвалась.— Я так быстро не успею.— Успевай медленно. Я подожду и проверю. Он ждал и проверил. Одно слово телефонист переставил, и Руднев заставил переписать строку целиком. Пока телефонист писал, из-за западного поворота показался Бельский. К посту он подошёл до десяти, передал оба листа с ответами на обороте и только тогда попросил воды.— Проверил? — спросил Руднев.— Проверил. Писарь повторил именно: «ускорить подготовку к закрытию дороги».— Сам слышал старшего?— Нет. Сказал, что получил слова через пункт. Прямого источника при мне не подтвердили. Я это записал.— Письменное на Каменку?— Нет.— Кто придёт?— Не назвали.— Ещё?— За дальней развилкой стоит плотная смешанная колонна. Голова к нашему повороту ещё не вышла. Когда двинется, не сказали. Руднев поднялся на бугор. За дальним поворотом, ещё далеко за Бель-

ским, над дорогой держалась широкая полоса пыли. По ней нельзя было назвать число машин; голова колонны на ближний просёлок ещё не вышла. Руднев сошёл с бугра к горлу.— Западный. Считать не пробуй. Просто скажи, когда голова выйдет из-за поворота.

Глава 8. Очередь

Та колонна, о которой Бельский доложил накануне, вышла к ближнему повороту только на следующий день, десятого июля, в два часа. Что происходило с ней до этого, на переправе не знали. К дороге она подошла плотно.

Руднев стоял на бугре и видел голову колонны: строй смешался с потоком. Впереди шли машины, за ними пешие, между машинами опять пешие, потом опять машины, и всё это двигалось с той особой ровной медленностью, при которой ничего нельзя ни ускорить, ни остановить по частям.

А по настилу в это время шли телеги от Каменки на восток, к лесной дороге, — по одной, как договорено, с интервалом. Одна уже вошла на настил, три стояли за ней на западном подходе, у самой вежи, ожидая своей очереди.

Колонна догоняла телеги у единственного западного горла. Если пустить её голову, медленные возы и машины запрут один и тот же выход.

— Западный! — крикнул Руднев. — Стой колонну! Не пускать в горло!

— Как её стоять, товарищ лейтенант?!

— Телом! И зови меня, не решай сам!

Он побежал вниз.

Головная машина колонны уже подошла к горлу, и наблюдатель вышел ей навстречу, и она встала, а за ней встала вто-

рая. Следующая не затормозила вовремя, толкнула вторую, и та подалась вперёд.

Руднев добежал до третьей и постучал по крылу.

— Назад полкорпуса.

— Куда назад, тут сзади ещё!

— Полкорпуса. Ты вторую подпираешь, ей потом не выехать.

Шофёр выругался, но сдал.

Из кабины головной вышел капитан.

Он был лет под сорок, широкий, в выгоревшей до белизны гимнастёрке. Сначала он посмотрел на настил и телеги; взгляд переходил с одной на другую, губы шевельнулись при счёте. Только потом капитан повернулся к Рудневу.

— Кто здесь?

— Лейтенант Руднев, командир сапёрного взвода. Переправа моя.

— Капитан Веденеев. — Он не подал руки и не стал терять на это время. — Убирай телеги. Мне надо идти.

— Не убери сразу. У меня на настиле одна и на подходе три.

— Значит, за две минуты уберёшь.

— За две не выйдет, — сказал Руднев. — Настил у меня по одному. Встречно не заводим. Если я сейчас пушу вам голову следом за телегой, машины упрутся в неё на восточном сходе и запрут горло.

Веденеев посмотрел на него, и это был короткий, деловой,

ничего не обещающий взгляд.

— Лейтенант. У меня за спиной дорога, по которой сейчас идут не только мои. Я держу её столько, сколько держу. Каждая минута, что я стою здесь, — это минута, которую я не стою там.

— Понимаю.

— Не понимаешь. — Он сказал это без злости. — Я не тороплюсь. Я считаю.

— Я тоже считаю, — сказал Руднев. — У меня подход прорезан по левому боку. Если ваша голова войдёт, пока телеги не ушли с восточного схода, первые машины встанут за ними, хвост заполнит горло, и тогда встанет вся ваша колонна.

Веденеев помолчал.

— Сколько тебе надо?

— Двадцать минут, чтобы очистить настил и подход. И ваших людей.

— Каких моих людей?

— Двоих на регулировку. Мои посты знают дорогу, но ваши вас слушают. Мне на вашей стороне нужен ваш голос, а не мой.

— Двадцать минут, — сказал Веденеев. — Не двадцать пять.

— Двадцать, — сказал Руднев. — И ещё одно, товарищ капитан. Пока идёт ваша колонна, у меня на площадке за кустами будут стоять телеги и люди. Они не поедут и вам

не помешают. Но если кто-то из ваших полезет туда развернуться или заночевать — я его оттуда выгоню, и это будет некрасиво.

— Не полезут.

— Скажите им сами. Мне они не поверят.

Веденеев обернулся к своим и крикнул в колонну — коротко, двумя фразами, — и колонна встала, и по ней пошло вперёд и назад, как идёт по длинной верёвке, если дёрнуть за конец.

* * *

Левченко пришла со стороны площадки почти сразу.

— Что стало?

— Стало вот это, — сказал Руднев и показал.

Она посмотрела на колонну, на головную машину, на пешеходов между машинами и сразу назвала положение телег.

— Мои три на подходе и одна на настиле.

— И ещё сколько не вышло от дворов?

— Ещё четыре. Они сейчас собираются, они не выехали.

— Пошлите сказать, чтоб не выезжали. Прямо сейчас.

Она обернулась к ближайшему возчику, и тот побежал к развилке на запад.

— Теперь эти три, — сказала она. — Куда?

— На площадку. Не на дорогу, не на обочину — на площадку, за кусты, и там развернуть оглоблями к дороге, чтобы потом не пятиться.

— Площадка ваша под санитарных.

— Под санитарных, — сказал Руднев. — Сегодня и под вас. Вторая медицинская вежа лежит вдоль дороги, срочного знака нет.

Левченко пошла к телегам и стала разворачивать их сама. Она делала это не так, как сделал бы он. Она не махала и не кричала «все туда». Она подошла к первой, назвала возчика, сказала два слова про его двор и про то, что он вёз, и объяснила, куда ехать и почему. Потом ко второй. Потом к третьей. Первая уже разворачивалась, когда она ещё говорила со второй.

Третий возчик не поехал.

— Я тут постою, — сказал он. — Мне на площадку не надо, я у обочины.

Левченко не стала повышать голос.

— У обочины ты будешь стоять до вечера, потому что мимо тебя пойдёт колонна, и она пойдёт по обочине тоже. И у тебя в телеге не мешки.

— Так я...

— Ты поедешь на площадку и станешь третьим, за ними. — Она назвала оба двора и добавила ещё что-то короткое, чего Руднев не расслышал.

Возчик подобрал вожжи и поехал.

— Быстрее нельзя? — спросил подошедший Веденеев.

— Можно, — сказала Левченко, не оборачиваясь. — Только тогда они поедут не туда, куда я послала, а туда, куда каждый сам решит. И вы будете их отсюда до ночи выковы-

ривать.

Веденеев проводил взглядом первую телегу, затем освободившийся край дороги.

— Хозяйка, — сказал он, — а за развилкой у вас кто?

— Люди, — сказала она. — Мои. И они от дворов выехать не могут, потому что вы здесь дорогу заняли.

— Я не стою. Я иду.

— Так идите.

Телега, уже вошедшая на настил, сошла на восточный подход. Три остальные ушли с западной дороги на площадку. Настил опустел.

— Товарищ капитан, — сказал Руднев. — Теперь я вам скажу, что я сниму со своего порядка, а что не сниму. Чтобы вы потом не думали, что я тянул.

— Говори.

— Первое. Проверку кромки после каждой гружёной я не сниму. Сокращу её до заранее названных признаков; полный осмотр будет при любом из них.

— До чего сокращаешь?

— Гущин!

Старшина был уже рядом.

— Скажи.

— Сначала смотрю сверху, — сказал Гущин. — Стоит ли в следе вода; поднялся ли горб выше вот этой черты. — Он показал на веку. — И как звучит под задним колесом на выходе из горла. Если перемены нет, докладываю и ждём ре-

шения. Если есть — закрываем оба входа, выводим людей с полосы, назначенный наблюдатель проверяет границу, а работу ведём только при закрытом доступе. После неё люди выходят, проверку повторяем. Тогда вы стоите, товарищ капитан, сколько понадобится.

— Кто решает?

— Я решаю, — сказал Гущин.

Веденеев посмотрел на Руднева.

— Он?

— Он решает, нужна ли работа. Открываю движение я после повторной проверки. Говорю это сейчас, при нём и при вас, чтобы при остановке не спорить.

— Принято, — сказал Веденеев. — Второе что?

— Второе. По одному я не отменю. Ни за что и ни при каких. И встречно заводить не буду.

— А если я тебе прикажу?

— Вы мне не прикажете, — сказал Руднев. — Мы с вами не по одной линии. А если бы приказали, я бы записал ваш приказ, вашу фамилию и время и всё равно не завёл, и вы бы это сейчас так же говорили на моём месте.

Веденеев коротко хмыкнул.

— Двоих я тебе дал. Куда их?

— Одного на ваш конец очереди, за поворот. Пусть держит хвост и не даёт ему напоздать. Второго — на восточный сход. Там на выходе поле, там все разъезжаются веером, и мне нужно, чтобы они разъезжались, а не стояли.

— Дам третьего, — сказал Веденеев. — На хвост нужны двое, у меня там пешие.

— И вот что, — сказал Руднев. — Пеших я по настилу вместе с машинами не пущу.

— А как?

— Группами, между машинами, справа. Машины на это время стоят. На выходе людей надо сразу заворачивать в поле, иначе они потянутся вдоль дороги и следующая машина пойдёт по ним.

— Это я беру на себя, — сказал Веденеев. — Сам стану.

— Вы?

— Я. — Он посмотрел на настил. — Меня они слушают, а твоего человека они в спину толкнут и не заметят.

* * *

Пошли в два двадцать.

Головная взяла горло по правой, и Гущин, стоя на бровке, проводил её глазами до самого выхода и не двинулся с места.

— Чисто!

— Вторая! — крикнул наблюдатель.

Вторая пошла.

Руднев стоял у самой кромки, там, где накануне утром лежал Жук, и смотрел под колёса. Жук был рядом, на земле, и молчал.

— Чисто!

— Третья!

Третья вошла в горло с креном, взяла левее, и Жук при-

поднялся на локте, но не крикнул, и она сама ушла вправо.

— Стоп! — сказал Гуцин.

Всё встало.

Оба поста повторили закрытие, людей с рабочей полосы вывели. Только тогда Гуцин подошёл к кромке снаружи — не бегом, обычным шагом. Он присел, посмотрел и поднялся.

— Идёт вода, — сказал он. — След набирает. Закрыто до проверки.

— Закрыто до проверки! — крикнул Руднев в сторону поворота.

Оттуда откликнулся веденеевский регулировщик — спорить не стал, повторил: «Закрыто до проверки!» Слова пошли по колонне, движение остановилось.

Назначенные люди подошли к отмеченному месту только после закрытия обоих входов. Пока они работали, на полосу никого не пускали. Потом люди вышли, Гуцин повторно проверил кромку снаружи и сам прошёл по освобождённому месту туда и обратно.

— Открываю. Пошли, — сказал Руднев.

Следующая. Ещё одна.

В очередном промежутке шли пешие. Их пропустили группой, по краю, справа, и Веденеев стоял на выходе и заворачивал их с настила в поле рукой, коротко, каждому, и они сворачивали.

Их было много, и шли они по-разному. Одни шли ровно,

другие держались за борт остановившейся машины и отпускали его в последний момент. Несколько человек несли товарища на скрещённых руках и на настиле сбились с ноги; настил под ними отзывался тише и чаще, чем под машинами.

Руднев отмечал их краем зрения, а смотрел под колёса. за колёса отвечал он, за людей на настиле в эту минуту — Веденеев. Такое разделение сейчас работало.

Бельский сидел на восточном сходе с тетрадью и писал, не поднимая головы, и один раз крикнул:

— Товарищ лейтенант, я не успеваю по каждой!

— Тогда пиши смену групп и все остановки!

— Есть!

Одна из следующих машин села.

Она не завалилась и не ушла в мягкое — она просто встала, потеряв задними, на самом выходе из горла, и завывала, и под колёсами полетело.

— Не газуй! — заорал Гуцин, махая обеими руками. — Не газуй, глуши!

Шофёр заглушил.

Подбежали сапёры. Когда их усилия не хватило, Веденеев без единого слова снял с ближней машины своих и поставил их сзади, и машина пошла — не с рывка, а с натуги, вылезла и покатила.

— След! — сказал Гуцин, показывая на оба входа.

Оба входа оставались закрыты. Машина освободила сход, люди вышли с полосы, назначенный наблюдатель сверил

кромку с отметкой и доложил. Гущин назвал результат Рудневу. На хвосте стояли веденеевские, на голове — сам Веденеев; колонна ждала без крика.

— Готово, — сказал Гущин.

— Открываю. Следующая! — крикнул Руднев.

Позже Гущин остановил ещё раз — на этот раз из-за звука.

— Слышали?

— Нет.

— Под задним. На выходе. Вот такое. — Он не смог показать голосом и показал ладонью, приложив её к бревну и оттянув. — Как будто отлипает.

— Что это?

— Не знаю что. Знаю, что вчера такого не было.

Руднев закрыл оба входа и вывел людей с рабочей полосы. Только после этого Гущин спустился к отмеченному месту и пробыл там дольше, чем в прошлый раз. Веденеев подошёл, встал рядом с Рудневым и молчал. Не спрашивал, не торопил — просто стоял, сжав ремень часов пальцами.

— Явной перемены не вижу, — сказал Гущин, вернувшись на дорогу. — Земля отходит от старого следа пластом, а под ним сухо. Причину звука не установил.

— Точно?

— На сейчас явной перемены не вижу. После следующей грузёной проверим снова.

— Открываю, — сказал Руднев.

— Идём, — повторил Веденеев без упрёка.

К пяти хвост колонны уже показался из-за западного поворота.

* * *

Последняя машина сошла с настила в семнадцать десять, взяла восточный сход и ушла в поле. Поднятая колёсами пыль ещё некоторое время оседала над дорогой.

Подход опустел, и в этой пустоте стало слышно реку — весь день её не было слышно вовсе.

Сапёры сидели где стояли. Один спал сидя, привалившись к столбу, с лопатой между колен, и его не будили. Гуцин пересчитал инструмент, обнаружил лопату с треснувшим черенком и сел её перевязывать.

— Восемнадцать, — сказал Бельский, ни к кому не обращаясь.

— Что восемнадцать?

— Нас восемнадцать. Я посчитал. Я почему-то посчитал.

— Правильно посчитал, — сказал Руднев.

Руднев прошёл весь подход, от поворота до горла, и шёл медленно: ноги держали хуже, чем утром. Левая кромка была разбита на всю длину. Она оказалась не хуже ожидаемого; это была единственная хорошая новость.

— Жук.

— Тут.

— Говори.

— По видимой кромке различий не осталось, — сказал

Жук. — Прежнего отдельного места не покажу.

— Это лучше или хуже?

— Хуже для осмотра. — Жук помолчал. — Раньше я знал, где смотреть. Теперь смотреть надо по всей отмеченной длине.

Веденеев подошёл, вытирая шею.

— Два часа пятьдесят, — сказал он. — Я думал, будет шесть.

— Могло быть шесть. Было бы шесть, если бы вы не дали людей.

— Люди — дешевле времени, — сказал Веденеев. — Я это поздно понял, но понял.

Веденеев посмотрел на настил.

— Ты мне вот что скажи, лейтенант. Ты завтра так же сможешь?

— Смогу. Медленнее.

— Почему медленнее?

— Потому что подход после вас другой. Гущину теперь надо будет лазать чаще, а не реже.

Веденеев кивнул и ещё раз посмотрел на восточный сход.

— Регулировщиков заберу двоих, третьего оставлю до утра, — сказал он. — И скажу своим на хвосте: на Каменке стоят по делу. Это тебе больше даст, чем бумага.

— Спасибо.

— Не спасибо. — Веденеев сел на бревно, и стало видно, как он устал. — Ты меня слушай дальше, лейтенант, потому

что дальше неприятное.

Он говорил не громко, и Руднев не звал ни Бельского, ни Гущина.

— Нам передали по дороге, — сказал Веденеев. — На могилёвском направлении немец Днепр перешёл. Где именно и какими силами — я не знаю и врать не буду. Сам не видел.

Руднев ничего не сказал.

— Я тебе это говорю не для сведения, — продолжал Веденеев. — Я тебе это говорю к сроку. У тебя тут своя записка, у меня свой срок. Твоя записка говорит: держать до отдельной команды. Мой срок — держать столько, сколько смогу. Так вот, если он перешёл, то моё «сколько смогу» стало короче. И твоё «до команды» — не знаю. Может, оно тоже стало короче, а тебе про это ещё не сказали.

— Связь после короткого вызова снова пропала.

— Значит, тебе и не скажут вовремя. — Веденеев поднялся. — Я тебе, лейтенант, спорить не буду. Я тебе скажу заранее, чтобы ты не удивился: рано или поздно я к тебе приду и скажу, что мне пора, а тебе будет рано. Вот тогда мы с тобой и поговорим.

— Поговорим.

— Ну и хорошо, что заранее.

Он ушёл к своим.

Левченко стояла у площадки и ждала, когда он уйдёт. Дождалась.

Телеги на площадке стояли, как она их поставила, — ог-

люблями к дороге, в один ряд, и между ними было место для прохода. За весь проход колонны ни одна не сдвинулась.

— Кормили? — спросил Руднев.

— Кормили. И поили выше вехи, как ваш велел.

— Хорошо.

— Ничего хорошего, — сказала она. — Просто ждали.

— Ещё четыре у дворов, — сказала она. — Они ждут с двух часов.

— Пускайте тех, что на площадке, — по одной, как шли. Остальным передайте: собраты сегодня и ждать нового окна. — Руднев посмотрел на восток, где над полем ещё висела пыль от колонны.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет завтра, — сказал он. — И это не оговорка. Пусть будут готовы сегодня, но без моего окна не входят.

Левченко посмотрела на него внимательно, как смотрела на развилке в первый день.

— Значит, телеги с площадки пойдут до темноты. Остальные ждут; людей ночью не поведу, — сказала она и пошла к своим.

Бельский подошёл с тетрадью, раскрытой на исписанном развороте.

— Товарищ лейтенант, вписывать?

— Что?

— Про Днепр. Вы с капитаном говорили, я слышал по-

следнее.

Руднев взял тетрадь, посмотрел на страницу, где стояли столбцы: участок, кто, время, ограничение, — и перевернул лист.

— На следующей странице той же тетради, — сказал он. — И первой строкой: «Со слов капитана Веденеева, десятого июля, около семнадцати тридцати; ему передали по дороге; сам не видел».